

АЛЕКСАНДР ТЮМНОВ

ОБРЫ

Александр Георгиев Обручье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6601801
Обручье / А. Георгиев: Генри Пушель; Екатеринбург; 2015
ISBN 978-5-905672-21-7

Аннотация

Иногда люди, работающие с древностями, «заболевают» мечтой о магии. Древние манускрипты жгут им руки. Кажется, что ради могущества и власти можно все – поднять из могилы призрак черного волхва, принести человеческие жертвы. И если случай отдаст в руки опасного честолюбца, именующего себя Магистром, могучий древний артефакт – быть беде. Веселый летний лагерь юных археологов превращается в поле битвы добра и зла, по округе рыщет оборотень, загадки множатся. Но даже Магистру нелегко справиться с пятнадцатилетними школьниками, готовыми пожертвовать собой ради друзей. Тем более, что в дело вмешался поклонник Шерлока Холмса – молодой сельский участковый. Он – романтик, и именно поэтому с ним так трудно бороться. Кто возьмет верх в последней битве, в глубине ночного леса, на Могиле Колдуна?

Книга – финалист Международной литературной детской премии имени Владислава Крапивина сезона 2013 года.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Торт и манускрипт	8
Глава 2. Слушай голос звёзд	16
Глава 3. Инструментарий для работы с кровью	23
Глава 4. На пороге безопасности	29
Глава 5. Прогноз погоды	38
Глава 6. Из-за острова на стрежень	46
Глава 7. Кто там, зеркальце, скажи!	56
Глава 8. Тварь косматая, незваная	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александр Георгиев

ОБРУЧЬЕ

УДК 087.5+82-31
ББК 84(2Рос=Рус)

Для старшего школьного возраста. 14+

© Александр Георгиев, текст, 2013
© Оксана Костецкая, иллюстрации, 2014
© «Генри Пушель», оформление обложки, издание, 2015

Пролог

*Отыщи всему начало, и ты многое поймёшь.
Из сочинений Козьмы Пруткова*

Территория, по сути дела, единственный общий компонент прошлой и настоящей действительности, соединяющий аккумулированную в литосфере мёртвую и функционирующую в биосфере «живую» культуру.
Л. Коряков. Археология раннего железного века Евразии

Тяжёлые, маслянистые волны колыхались на расстоянии ладони от лица. Человеку казалось, что блестит не вода, а чёрная кровь земли, нефтя. Та, которую добывают на берегах бурного моря Аль—Хазари племена огнепоклонников. Едкий запах щекотал ноздри. Нет, это не нефтя, так пахнет его собственная кровь.

Сознание возвращалось медленно, словно нехотя. Немудрёно, после пережитого ужаса. А ведь в Булгаре предупреждали – в гиперборейских лесах может случиться всякое. Непролазные чащи полны свирепых хищников, да и люди немногим лучше. Здешные жители рады заезжим гостям глотки перерезать. Он слушал – и улыбался, беспечный. Мол, не пер-

вый год на караванной тропе, видал виды. Что там лесные звери? На островах Аравийского моря ему показали однажды следы чудовищной птицы Рух, которая в когтях поднимает слона. Самоуверенный глупец...

Он зажмурился, лица вновь коснулось зловоние...

Тварь шести локтей в холке бросилась из кустов молча. Дохнула смрадом клыкастая пасть, волосатые получеловечьи руки с четырехвершиковыми когтями впились в тело. Он успел рубануть саблей, дамасская сталь рассекла чёрную плоть! Но края раны плавно сомкнулись, а тварь, развернувшись, ударила наотмашь когтями. Руку пронзила боль, бесполезная сабля отлетела в сторону. Тварь подхватила его, как волк хватает овцу, и, перебросив за спину, нырнула в чащу. Он подпрыгивает на вонючем косматом плече, и каждый толчок отдаётся болью во всем теле. Он рванулся, пытаясь освободиться...

– Тихо ты! Лодку опрокинешь, ну!

Открыл глаза и над собой увидел чёрное небо, звёздный Воз повернулся на север. В дно челнока тыкались волны, от толчков болело все тело, ныли натёртые кожаными ремнями руки и ноги.

Говорят, нефтя может не только гореть в светильниках, но и быстро исцелять раны. Это ему сейчас как раз бы не помешало. Он с трудом разлепил разбитые губы.

– Почему ты мне помогаешь? Ты не боишься, что тебя за это накажут?

– Я выполняю волю Велеса, я не должна ничего бояться. И если я успею вернуться к утру, никто ничего не узнает. Лучшие помолись своим богам, чтобы твои спутники не успели уйти дальше.

– Аллах, да будет благословенно имя Его, един, грех придавать ему сотоварищей... Ты говоришь, они ещё здесь? – Абд Фарадж резко сел, и челнок опасно закачался.

– На острове, за излучиной встали. Небось тебя вчера весь день искали, вот и не ушли далеко. Костров не палят – видать, наших боятся. Линёк их враз заметил, только я не велела никому сказывать.

– Почему?

– Не знаю... так, наверное, сердце почувало.

– А Линёк – это кто?

– Брат... он у нас зоркий... первый охотник был... болеет вот только. Если я тебе помогу, точно поправится.

Она снова опустила весло в воду и толчками погнала долблёнку вперёд, туда, где проступали, загораживая звезды, макушки деревьев. Через десять минут нос лодки ткнулся в песок.

– К стоянке вашей я не пойду, сам доберёшься. Знаем мы вас, гостей торговых, люди сказывали. Ты как, добредёшь?

– Попробую. – Он, пошатываясь, встал на песок. «Велик Аллах над нами, и правда спасён!» Ноги, хвала Всевышнему, держали.

Нос челнока таял во мраке, фигуры девушки не разглядеть, только смутно белеет лицо. И с внезапным интересом он вдруг спросил:

– А что про нас люди сказывали?

– Будто сам не знаешь? Что купец, что разбойник – одна статья. Ладно, ступай себе.

– Пойду. – Он сделал пару неверных шагов и обернулся. – Меня зовут Абд Фарадж. Я не знаю, что тебе про нас говорили, но я не разбойник. Хочешь, я довезу тебя до большого селения, говорят, оно в трёх днях пути. Я хорошо рассмотрел эту тварь, что на меня напала, и думаю, тебе лучше уплыть с нами. Здесь дурные места. Не хочешь?

Она молча отпихнулась веслом от берега.

– Ступай себе!

Плеснула вода, и все стихло. Абд Фарадж остался один. Усеянный звёздами купол опрокинулся над берегами исполинской реки. В этом диком краю он единственный знаком и привычен, как потолок родного дома. Те же созвездия блистают сейчас над барханами Чёрных песков, над благородной Бухарой, над садами любезного сердцу Ширази. Абд Фарадж отыскал взглядом Полярную звезду, которую турки зовут Железным гвоздём неба. Она висела низко, почти у самого горизонта, предвещая скорое утро. Взгляд машинально скользнул ниже, и Абд Фарадж вздрогнул. На том берегу вспыхнули и заметались две красные точки. Их легко было принять за искры от факела... но Абд Фарадж не забудет пламя глаз той твари, сколь долго Аллах ни продлит его дни... Купец повернулся и, спотыкаясь, опрометью побежал по песку в сторону кораблей.

Глава 1. Торт и манускрипт

Девуцы вообще подобны шашкам: не всякой удаётся, но всякой желается попасть в дамки.

Из сочинений Козьмы Пруtkова

Сохранившиеся кодексы большей частью являются религиозными или историческими документами, имеют форму длинных полос из оленьей кожи или бумаги, сложенных гармошкой...

Чарльз Лайелл. Древность человека

– Можете быть спокойны, Михаил Вадимович, – облачённый в элегантный костюм «от Гуччи» чиновник лучился радушием, – для учёного вашего уровня у нас, так сказать, все пути открыты. Езжайте, копайте, делайте ваши открытия. Никто вам больше препон чинить не станет, это я вам как заместитель губернатора области гарантирую!

Профессор кафедры общей истории Михаил Троепольский слегка наклонил голову в знак благодарности.

– Многовато все–таки у нас бюрократизма, ох многовато, – вздохнул замгубернатора. – Но вы молодец – грамотно действовали. И правильно воспользовались протекцией Носова, он депутат адекватный, не то что прочие думские горлодёры. Скажу вам по секрету, я только к членам его фракции и прислушиваюсь.

– Отец Носова – заметный историк, докторскую у меня защищал. Согласитесь, Олег Павлович, логично было обратиться именно к сыну своего протеже, – вежливо ответил Троепольский.

«А он вовсе не так прост, как кажется, – мелькнуло в голове у замгубернатора, – прежний–то профессор, Киргизов, лет пять, кажется, добивался разрешения на эти раскопки. Территория планируемого национального парка, водоохранная зона, нехватка финансирования... А этот раз – и в дамки, за две недели целесообразность экспедиции обосновал. И откуда такой приткий?»

Чиновник по–наполеоновски скрестил руки на пухлой груди, вперил в учёного свой дежурный, самый проницательный взгляд. Но профессор и бровью не повёл, продолжал спокойно улыбаться и, кажется, даже не волновался ничуть.

– Вы ведь совсем недавно в наш университет перевелись, откуда–то с Урала, если не ошибаюсь? У вас все там такие... быстрые? На приём ко мне попали, считай, с третьей попытки – это дорогого стоит. А кстати, Носов–то у нас – коренной волгарь, как же вы пересеклись на тернистых путях науки? Да и постарше вас лет на десять, как же он у вас докторскую защищал?

Михаил Троепольский задумчиво улыбнулся:

– Профессор Киргизов – кабинетный учёный, Олег Павлович, старой формации интеллигент. Он всей душой погружён в историю и стих про то, что добро должно быть с кулаками, не читал. А я ещё со студенческой скамьи помню, что «Внауканетширокойстолбовойдорогиитолькототдостигнетеесияющихвершинктонестрашасьусталостикарабкаетсяпоеекаменистымтропам». – Он шутливо развёл руками. – Научился я карабкаться, Олег Павлович. А в том, что старший Носов у меня свою работу защищал, ничего сверхъестественного. Это в допетровской Руси карьера от возраста напрямую зависела, а сейчас у нас сплошь «племя младое, незнакомое», кто смел – тот и съел. Спасибо огромное за содействие, Олег Павлович. Вечный ваш должник.

– Однако! – проводив профессора взглядом, пробормотал замгубернатора. У него возникло отчётливое и весьма непривычное ощущение, что его только что нагло использовали. Его, второго человека в области?! Но Олег Павлович не зря занимал свой немаленький пост, поэтому быстро прогнал неприятную мысль. Вместо этого он пару раз хмыкнул и пометил в ежедневнике: «М. В. Троепольский, профессор университета, 41 год. Исключительно пробивной, в меру наглый, циничный. Может пригодиться при случае».

– Ритуся, заходи, чайку попью! – позвала лаборантка Юлечка, просовывая нос в кабинет. – С сухариками!

– Сухарики? Какие сухарики? – Маргарита с трудом оторвалась от экрана компьютера.

– Ванильные! Не какие–нибудь магазинные, мама сама их печёт! Объединение! Короче, приходи, сейчас чайник вскипит.

Юлечка убралась, звонкими копытцами простучали за дверью каблучки. Маргарита поморщилась. Придётся идти, иначе Юлечка не отвяжется. Девица патологически хлебо-

сольна и просто обожает кормить окружающих домашней выпечкой. Она и сама словно окутана ароматом сдобы – беленькая, свежая, пухленькая.

Маргарита щёлкнула мышью, торопясь прочесть хотя бы несколько строк. Только что набрела в Сети на интересную информацию. Совершенно новый взгляд, это следовало срочно прочесть и осмыслить, и совершенно некогда гонять чай с Юлечкой...

Интересно, зачем некоторые идут в аспирантуру, когда наука их в упор не волнует?

Из той же Юлечки мог бы получиться замечательный кондитер, а она ударилась в историю и протирает юбку в университете, занимая, между прочим, чьё-то бюджетное место. Семейная, видите ли, традиция: отец Юлечки – доцент на кафедре правоведения, дед тоже чего-то там преподавал.

Бывший завкафедрой общей истории профессор Киргизов считал Юлечку ленивой и малоспособной, но, будучи человеком глубоко интеллигентным, вслух своего мнения не высказывал. И здесь Маргарита любимого учителя не понимала. Ей самой пришлось карабкаться в науку, не жалея себя, и никто ей широкой столбовой дороги не обеспечивал. Облечённых степенями родственников, увы, не имелось. Страх вспомнить, что пришлось пережить. Ночами подрабатывать ВОХРой на складе, утром бежать на лекции; сцепив зубы, зубрить учебники в холодной общаге под шум студенческих вечеринок, когда от голода кружится голова и мысли расползаются вспугнутыми тараканами.

В университете с трудом, постепенно, но привыкли к тому, что в её зачётке кроме восхищённых «отлично!!!» и досрочных «зачётов» других записей нет и быть не может. Удивлялись, завидовали. Пытались проводить задушевные беседы – мол, личной жизнью пренебрегать нельзя. Молодость даётся лишь раз, студенческие годы скоротечны. Они воображали себя мудрецами, эти болтуны и болтушки, мнили, будто что-то там понимают в этой жизни. Ах, если б знали они, сколько и что именно Маргарита изучала ещё сверх программы, для души! Уже к третьему курсу она была на «ты» с египтологией и медиевистикой, свободно могла сдать что угодно за пятый курс. Дополнительные занятия по археографии стали для неё более привычны, чем чистка зубов. Особенно глубоко, на кандидатском уровне, девушка разбиралась в истории поздней античности и раннехристианских ересей. Оракулами «Сивиллы» и герметическими трактатами, бывало, зачитывалась сутками. Кстати, Маргарита свободно читала на латыни, на древнеарабском, немного – на санскрите и ещё на паре-тройке языков, названия которых большинству людей попросту неизвестны. Слегка, для общего развития, она «разминалась» в нумерологии, каббалистике и нумизматике.

Было очень трудно, спасало только железное здоровье да упрямая вера в свою звезду. И жизнь изменилась к лучшему. Профессор Киргизов обратил внимание на способную студентку. Маргариту взяли на должность лаборантки на кафедру и даже выделили отдельную комнатку в общежитии. Потом неожиданно умерла городская сестра матери, занимавшая две крохотные комнаты в особняке XIX века, в трёх кварталах от университета. Киргизов помог с оформлением наследства, и Маргарита получила собственную жилплощадь. А через год особняк расселили. В восемь бывших квартир пожелал въехать новорусский банкир, стремящийся возродить образ жизни своих предков–аристократов. При этом по лицу банкира ясно читалось, что дальше барской конюшни его предки сроду не заходили. Впрочем, жильцам банкирские амбиции пошли только на пользу. Маргарита проявила настойчивость в переговорах и в итоге въехала в отличную светлую квартиру в только что отстроенном доме. К тому времени она уже поступила на очное отделение аспирантуры, научным руководителем у неё стал, разумеется, профессор Киргизов.

Маргарита вздохнула, возвращаясь к действительности. Киргизова «ушли», его место занял неизвестно откуда вывернувшийся «варяг» Троепольский! Противный тип! Красавчик! Все девицы на кафедре хором в него влюбились, а, спрашивается, из-за чего? Подума-

ешь, греческий профиль! Маргариту раздражал его самодовольный тон. Он обращается с ней, аспиранткой, как с сопливой первокурсницей!

Она сердито отодвинула стул. Коридор, как нарочно, был полон скучающих подростков. Недоросли толкались группками, таращились, глупо хихикали. На кафедре каждую весну проводили день открытых дверей для будущих абитуриентов, приглашали выпускников соседних школ. Маргарита терпеть не могла эти ежегодные экскурсии. Миновав стайку расфуфыренных девчонок, она услышала за спиной сдавленный смешок. Ну разумеется, им не понравились её строгая причёска и костюм.

Маргарита влетела в комнату к Юлечке, окончательно расстроившись.

– Ой, Ритуся, а я уж хотела опять за тобой идти. Тебе какой – зелёный, чёрный? – обрадовалась Юля.

– Чёрный.

– Зелёный полезнее, – подала голос из-за дымящейся кружки библиотекаря Татьяна, – он давление снижает, во всех журналах пишут.

– Бушков и Фоменко тоже много чего пишут, – буркнула Маргарита.

– Не скажи. Между прочим, я и Валерию Санычу сколько раз говорила: пейте зелёный чай, в вашем возрасте чёрный не показан, а он только посмеивался. Ну, и что в результате?

– Ерунда, при чем тут чай? – рассердилась Маргарита. – Вы отлично знаете, что Киргизов не по здоровью ушёл! Его затравили, он просто устал бороться с нашей тупой бюрократией, со всеми этими интригами Мадридского двора!

– Это точно, – вздохнула Татьяна. – Жалко человека, вот уж кто не от мира сего был. Все о науке, все ради науки. Бессребреник, теперь таких не бывает.

– Да ладно, Татьян, Троепольский тоже очень даже ничего, – вскинулась Юлечка, – симпатичный, вежливый. Не то что некоторые – диссертации пишут, а девушку вперёд себя в дверях нипочём не пропустят. Если только в зубной кабинет, да и то по ошибке. А Троепольский ещё и талантливый, между прочим, такой молодой, а уже профессор!

Маргарита ощутила страшное желание стукнуть глупую девицу чайником, но сдержалась. Все-таки кафедра общей истории – это не Манежная площадь и даже не Гайд-парк, потасовки здесь не в моде. Маргарита изо всех сил укусила сухарик, рот моментально наполнился сладкой слюной. Увлёкшись работой, она сегодня так и не позавтракала.

– Да не сердись, Ритуся, все знают, что ты у Киргизова в любимицах ходила, – утешающе заметила Татьяна. – Ну и чего? Ты молодая, способная, тебя и Троепольский оценит. Никуда твоя карьера не убежит, не бойся.

Маргарита молча передёрнула плечами.

– А мне вот наплевать на карьеру, лишь бы человек был хороший, – вздохнула Юлечка и мечтательно улыбнулась. Она миглом представила себе, как Михаил Троепольский, галантно поддерживая под локоток, подводит её к своей серебристой «ауди». Наверное, они поедут сейчас в ресторан... или нет, лучше на концерт в джазовый клуб, интеллигентному человеку положено любить джазовую музыку.

Маргарите стало смешно, она даже злиться перестала. До чего же эта Юлечка глупая, слов нет.

– Ты к нему в паспорт не смотрела, вдруг он женат?

– Исключено. Женским голосом ему раза два всего и звонили, и сам он вечерами в кабинете сидит. Женатый домой бы спешил, а у него, видать, даже любовницы постоянной нету.

– Странно, однако, такой положительный, весь из себя, а не закольцован, – вставила Татьяна.

– Иди ты! – вспыхнула Юлечка. – Просто он ещё, как говорится, «не встретил её».

– «Её» – значит тебя?

– А хотя бы меня! – Юлечка схватила сухарик и с треском разломала напополам. – Я, между прочим, ничего невероятного не требую! Я хочу хорошую семью и детей! Вот!

– Берегись, – низким голосом пропела Татьяна. – А вдруг он не профессор, а Синяя Борода? Читаю я тут на днях племяннице сказку...

– Тьфу на вас! Зануды! – крикнула Юлечка и вскочила.

– Можно к вам, девушки? Не помешал? О, у вас небольшой диспут?

Все трое обернулись разом. У дверей с круглой коробкой в руках стоял улыбающийся повод раздора, профессор Троепольский собственной персоной.

– О! Нет, мы просто так... Чай пили, – пролепетала Юлечка и поспешно села.

– Чай? Так это же замечательно, – Троепольский улыбнулся, сверкнув безупречными, как у голливудской звезды, зубами. – В таком случае я попал кстати. Угощайтесь!

С этими словами он водрузил коробку на стол и ловко поднял крышку.

Татьяна и Юлечка всплеснули руками. Перед ними был торт–суфле, украшенный цветными желейными розами.

– Но, собственно, чему обязаны? – подняла брови Маргарита. – У вас что, день рождения?

– Лучше! Гораздо лучше! – глаза Троепольского демонически блеснули. – Я добился окончательного разрешения на раскопки Вежецкого городища! Начинаем формировать экспедицию! Я сегодня богат и счастлив, и всех угощаю! Кстати, Маргарита, я сейчас был у вас в кабинете и совершенно случайно взглянул на экран монитора. Вы разве занимаетесь арабскими хрониками?

Маргарита слегка покраснела. Вот бестолковая дурёха, не сообразила закрыть документ!

– Не совсем. Моя диссертация – по проблемам славянской демонологии, а арабами я просто... интересуюсь. Попутно.

– Исключительно интересная парадигма... – Профессор оглянулся, подвинул себе стул и без приглашения сел к столу.

Встрепенувшаяся Юлечка выхватила из шкафа пыльный стакан и помчалась его ополаскивать. Татьяна, сосредоточенно хмурясь, кромсала на ровные дольки торт.

– Что вам интересно в этой парадигме? – хмуро поинтересовалась Маргарита.

– Дело в том, что я сам арабист и меня исключительно занимают контакты арабов с поволжскими племенами. Особенно с булгарами и славянами. Собственно, ради этого я и перевёлся в ваш университет. Правда, найти какие-либо следы этих контактов на Вежецком городище весьма проблематично, но будем надеяться! Но в данный момент я не о том...

Он заговорщицки наклонился к Маргарите:

– У меня в столе сейчас лежит любопытнейший документ. Копия старой арабской хроники, посвящена путешествию некоего Абд Фараджа в царства тюрок, болгар и славян. Документ, разумеется, имеет традиционный для арабских источников сказочный характер, но отдельные реалии...

– Какие... реалии?

– Я с удовольствием покажу вам. Честно говоря, совершенно не ожидал встретить здесь, в этом скромном университете, единомышленницу!

От пергамента исходил отвратительный запах гари и сырости одновременно, как будто кто-то бросил в огонь выдранный с корнем пучок травы. Голова закружилась, выцветшие строчки арабского письма поплыли перед глазами. Маргарита поспешно отодвинулась.

– Да... потрясающе. Он очень древний?

– Приблизительно середина X века, я полагаю.

Тёмные глаза Троепольского прожигали насквозь. Маргарита поёжилась и торопливо сказала:

– Дело в том, что мне раньше не приходилось держать в руках такие... подлинники. Я работала с переводными текстами, видите ли.

От взгляда профессора у неё начали гореть уши, захотелось срочно очутиться подальше от кабинета и мирно попивать чай с тортиком в компании Татьяны и Юлечки. Насколько проще было рядом с профессором Киргизовым, пожилым, рассеянным и до предела тактичным человеком... И зачем только она сунулась, рядовая аспирантка, разве у неё могут быть общие интересы с заведующим кафедрой? Почему Троепольский так на неё смотрит? Что ему не понравилось? Она что-то не так сказала?

– А-а, вот в чем дело! – профессор, как бы поняв все, что хотел, отвёл жгучий взгляд. – Да, действительно, когда впервые касаешься документа такой древности, это потрясает. Потом уже ощущение стирается, привычка, знаете ли. Так что я вам даже завидую.

«Странно, неужели он не чувствует тревожного запаха, от которого перехватывает дыхание и крутит желудок? А может, дело не в манускрипте, может, я просто тортика переела? Говорят, если много сладкого натошак, давление резко падает... Нет, ерунда».

Профессор бережно поднял пергамент и, любуясь, поднёс ближе к глазам.

– Насколько я понял, арабским вы не владеете?

Маргарита молча затрясла головой.

– В таком случае посмотрите перевод... Вот, к примеру, любопытный отрывок...

Троепольский убрал пергамент в папку с замочком, к остальным листам, повернул ключик и раскрыл перед Маргаритой обычную общую тетрадь в линейку. Она покорно опустила глаза, но, пробежав пару абзацев, вздрогнула и застыла.

– В чем дело? Вас что-то смущает в переводе? Конечно, он сделан на скорую руку, но за точность я отвечаю.

– Нет, – Маргарита облизнула губы, – просто мне показалось... может быть, я ошибаюсь... Этот Абд Фадлан...

– Фарадж.

– Ну да, Абд Фарадж. Он описывает места, похожие... словом, вы считаете, что он побывал на Вежецком городище? Вот почему вы пробили эту дополнительную экспедицию?!

– Ну да, я же вам уже говорил, что меня интересуют контакты с арабами. Вежецкое, судя по всему, типичное славянское городище и годится не хуже любого другого. И расположено практически на берегу, на самом пути из арабов в варяги, – слегка удивился профессор. – Но почему вы решили, на основе каких данных сделали вывод, что здесь описано Вежецкое городище?

Маргарита смутилась.

– У меня там раньше бабушка жила, двоюродная. Хотя, с другой стороны... нет, я глупая, конечно. Мне просто подумалось, а вообще-то на Волге все места похожи, тем более я там и была-то один раз в первом классе. Извините, профессор.

– Что вы, не извиняйтесь. Это даже очень любопытно, знаете ли... – Троепольский быстро сделал несколько шагов по кабинету, наткнулся на стену раз, другой. – Кстати, я пока не определился окончательно с составом экспедиции. Один мэнээс у меня уже есть, отличный юноша, на будущий год в аспирантуру собирается. Копать будут наши лицеисты, так что снимать студентов с археологической практики на дяковском городище не придётся. Словом, дело только за кандидатурой второго мэнээс. Вы?

Маргарита смотрела на Троепольского во все глаза. Девицы были правы, он и вправду чертовски красив. Как он шагает по кабинету – словно мечется по тесной клетке бенгальский

тигр. Такой же сильный, ловкий, уверенный... отыскал бесценнейший манускрипт и даже не думает, какое великое дело совершил! Какие дьявольские перспективы открываются! Настоящий учёный.

– Я бы могла поехать вторым мэнээс, – прошептала Маргарита, не узнавая собственного голоса.

Хлопотливый день стремительно катился к финалу. Подняв утомлённые глаза от списка соискателей губернаторской премии «Одарённым студентам», Михаил Троепольский обнаружил, что на часах почти девять, за узким окном кабинета сумерки, а в банке с растворимым кофе ничего не осталось. На всякий случай он потряс банку, но в подставленную кружку упало лишь несколько бурых крупинок. Ничего не поделаешь, придётся тащиться в магазин, выбирать из берлоги, как он в шутку именовал эту забитую историческими артефактами каморку. Положенный ему по статусу кабинет на втором этаже, светлый и почти комфортабельный, Михаил сразу невзлюбил и, если была возможность, старался работать в «берлоге».

– Михаил Вадимыч, ключики сдавать будете? – окликнула его на выходе вахтёрша Ираида Петровна, во весь рот зевавшая над журналом мод.

– Нет, я в магазин на минутку, сегодня ещё поработаю.

На улице пахло молодой листвой, вдоль тротуара зажглись фонари. К остановке только что подкатил автобус, мимо профессора к нему пробежало несколько запоздавших студентов. Михаил быстро купил в ближайшем магазинчике кофе и заторопился обратно, хотелось ещё успеть повозиться с арабским документом. Во дворе корпуса было уже совсем темно, только светились окна библиотеки и одно узкое на первом этаже – в его «берлоге». Уходя, он забыл погасить свет.

Зато в коридоре половина ламп не горела – бдительная Ираида Петровна, как обычно, экономит казённое электричество. В упавшей на корпус тишине слышно было, как где-то в недрах опустевшего здания гремит вёдрами уборщица.

Михаил уже минуту ковырял ключом в скважине, но замок не поддавался. Да что же это такое? С досады поддал дверь плечом и едва не упал внутрь – дверь неожиданно распахнулась. Забыл запереть? Он шагнул в кабинет, нашарил на стене выключатель и замер с поднятой рукой. Пять минут назад свет в кабинете горел, почему же теперь?..

Внутри словно оборвалась и рассыпалась снежная глыба. Он бешено ударил по выключателю и ринулся к столу. Верхний ящик слегка приоткрыт... нет, этого не может быть, просто не может... руки шарили, не находя, и Михаилу казалось, что воздух в берлоге сгустился и не проходит в лёгкие. Сейчас с ним будет удар...

Пальцы ухватили жёсткий кожаный угол, профессор Троепольский, отдуваясь, рухнул на стул. Папка с манускриптом оказалась на месте, вон и ключик торчит в замочке. Он не мог вспомнить, вынимал он этот ключ или нет... внутри папки листы рукописи, один, другой... все на месте.

Михаил выпил подряд три кружки кофе и только тогда смог думать хладнокровно.

Кто-то проник в кабинет и хотел взять – что? Ничего ценного, представляющего не научный, а коммерческий интерес, в коллекциях нет. Верхняя Волга – это не Алтай и не Украина, скифского золота здесь не бывает. Он обвёл взглядом набитые стеллажи. Нет, исключено. Значит, что же – манускрипт?

Но кто и, главное, зачем? Он показывал документ аспирантке Маргарите, но вряд ли девица способна распознать его абсолютную уникальность. Тем более все сотрудницы

кафедры разбежались по домам ещё часа полтора назад. Неужели кто-то ещё догадывается...

Михаил одёрнул себя. Глупости. Папка на месте, документ цел.

А что, если в кабинет никто не входил? Дверь он мог действительно просто не запереть, а свет... свет, наверное, выключила уборщица, заглянула и выключила.

Михаил вскочил, не выпуская драгоценную папку, быстро прошагал по коридору к стеклянной будочке вахты.

– Ираида Петровна, вы случайно не обратили внимания, никто из сотрудников сейчас из корпуса не выходил?

– Да все уж дома давно, кому проходить-то? Вы у нас один до полуночи трудитесь.

– Может быть, кто-то с кафедры правоведения?

– Нет, никто не проходил.

– Да как же, Ир, а Татьяна-то Леонтьевна? – подала голос уборщица Зина, протиравшая застеклённый стенд с объявлениями. – Минут десять, как ушла.

– Библиотекарша? Но ведь библиотека у нас до восьми?

– Точно, вот голова моя садовая, а я и забыла, – спохватилась вахтёрша. – Проходила Татьяна, ещё ругалась, мол, студенты в семестре не учатся, а перед сессией откуда чего берётся. Никак, говорит, не могла их из библиотеки вытолкать, все просились ещё позаниматься.

– А что за студенты были?

– Да я#то толком не поглядела, пробежали мимо какие-то ребята, вот после вас сразу, трое или четверо. Да вы завтра у Татьяны спросите, она наверняка их знает. А в чем дело-то?

– Да нет, пустяки. Спасибо, Ираида Петровна.

Он вернулся в кабинет в глубокой задумчивости. Настроение улетучилось, поработать здесь сегодня вряд ли уже получится. Пора собираться домой. Рассеянно выровнял бумаги на столе, и только сейчас заметил, будто что-то внезапно кольнуло: список губернаторских стипендиатов, который должен лежать сверху, оказался в середине пухлой стопки папок с документами. Интуиция не обманула, в бумагах кто-то рылся. Ну что ж...прискорбно, но не смертельно, кто предупреждён, тот защищён. А может, неизвестного визитёра интересовал именно наградной список?

Профессору даже смешно стало от этой мысли. Вон как все, оказывается, просто. И тем не менее...

Повторять ошибки не стоит. Не класть все яйца в одну корзину, запереть документ в домашнем сейфе и брать с собой в университет по частям, по мере надобности. Лучше было бы просто сделать фотокопию, но это невозможно. У фотокопии не будет той ауры подлинной древности, от одного ощущения которой холодеют кончики пальцев и невозможное становится достижимым.

Глава 2. Слушай голос звёзд

Если бы все прошедшее было настоящим, а настоящее продолжало существовать наряду с будущим, кто был бы в силах разобрать: где причины и где последствия?

Из сочинений Козьмы Пруtkова

Археологическое время совсем не похоже на наше календарное время. Археология имеет дело с периодами неопределённой длительности...

Л. Коряков. Проблемы хронологии и периодизации

– Господин! Господин!

Абд Фарадж вздрогнул и едва не выронил перо. Занавесь у входа откинулась, на пороге возник Салах.

– Как странно, Салах... Я не узнал твоего голоса. Он звучал так, словно меня зовёт кто-то совсем незнакомый и очень издалека. Зачем ты оторвал меня от благородного упражнения в искусстве письма и выудил из глубины воспоминаний, как рыбак выуживает серебристую рыбку?

– Господин, великий визирь Шамсутдин, да продлит его дни Аллах, да будет благословенно имя Его, завтра, ещё до второго призыва муэдзина, ждёт тебя. Он желает овеять свои уши опахалом внимания, чтобы ум его, да останется он трижды неприкосновенным, вместил всю повесть о твоём большом путешествии на север. Ты сам велел мне, господин, сегодня не позволять тебе ложиться позже полуночи. Полночь, господин. Нехорошо посещать великих визирей, да продлит их дни Аллах, да будет благословенно имя Его, с лицом мятым, как переспелая хурма... Но если я зря тебя потревожил, прикажи меня наказать.

– Да хранит тебя Аллах, да будет благословенно имя Его. Иди, я сейчас лягу.

Абд Фарадж вышел на крышу, чтобы перед сном посмотреть в глаза тысячи созвездий. Ему почудилось, что ночное небо затягивает его в гигантскую, усыпанную звёздами воронку, чтобы нести, нести... через ночь, через смерть, через время, туда, откуда все-таки зовёт чей-то незнакомый голос...

– Екатерина! Заканчивай трепаться по телефону! Невозможно же спать, двенадцать ночи, у меня завтра симпозиум. Я что, должна на него идти с мордой, как у хомяка?!

– Тьфу на тебя, мам! Ты меня зайкой оставишь! Ладно, Лисюнь, отключаюсь, а то у меня предки возмущаются. Ты поумирай до завтра от любопытства. Состыкуемся, тогда и объясню, что я имела в виду. Чао!

Катя положила трубку и заглянула к маме.

– Какой-то у тебя голос непонятный, мам. Ты не через подушку со мной только что общалась?

– Катька, имей совесть! Не через подушку. Давай целуй меня в нос и марш спать.

Катя почистила зубы и на минутку шмыгнула на балкон. Шорты высохли. Высоко-высоко, сквозь по-майски сквозную крону старого тополя, мерцали звезды. Девочка подмигнула самой яркой и вдруг представила себя воробьём, ночующим на ветке. Интересно, вот люди меняются, а воробьи, поди, и в шестнадцатом веке были такими же, как сегодня. И в пятнадцатом, и в десятом.

Лиска положила трубку и фыркнула. Ох уж эта Катька, опять авантюру какую-то изобрела и соратников ищет. Ну уж нет! Никаких новых хобби. К экзаменам надо готовиться.

«Дззззззз!» – завопил телефон.

Лиска схватила трубку, готовая выпалить непутёвой подружке все, что думает о полуночных звонилыщиках, но не сказала даже «алло». Сердце почему-то выпрыгивало из груди, и спина сразу стала мокрая. В трубке молчали. Потом тяжело вздохнули и спросили:

– Это ты?

Голос был глубокий, и такой знакомый, что Лиске показалось, будто она разговаривает сама с собой.

– Я.

– А-а, тогда ладно. – И короткие гудки.

Лиска вернулась в комнату и уселась на подоконник. Понятно, что ошиблись номером, но все равно странно как-то. Стараясь успокоиться и захотеть спать, она смотрела в небо. А небо смотрело на неё. Очень внимательно.

Лёша полез взглянуть на заваленные книгами часы и, естественно, уронил с верхней полки два тяжелых тома. При такой неловкости неудивительно, что его прозвали Ботаником. Часы показывали одну минуту первого. Ещё минут сорок пять можно почитать. Что там упало? Может быть, в случайном падении именно этих книг есть скрытый символизм, подобный символизму Нострадамуса? Усмехнувшись таким нетипичным и иррациональным мыслям, Лёша машинально прочёл названия. «Жизнь животных» Брема и «Верования угро-финских племён». Забавное сочетание, хотя символизмом здесь и не пахнет. Племена – ещё куда ни шло, но Брем не имеет и не будет иметь к его жизни никакого отношения. Для историка, не энциклопедиста, а глубокого специалиста, знания о фауне совершенно излишни. Он открыл форточку, по стеклу промелькнул блик. «Или все-таки пахнет?» – отчётливо произнёс в голове чей-то голос. «А вот это уже переутомление, – определил Ботаник. – Как ни жаль, придётся на сегодня пожертвовать ночным чтением. Разумнее будет выспаться».

– Во, принесла, – жена со стуком поставила бутылку на стол, скинула чуни и потопала в спальню. Уже оттуда, с безопасного расстояния, пробурчала: – И когда ты уж ей, заразой, захлебнёшься?

Антон остался сидеть, драться сегодня не хотелось. Да и палец болел нещадно. Вчера, как вынимал рыбу из сетей, казавшаяся снулой щука вдруг тяпнула – думал, всё. Дырки оставила, как от гвоздей. Всю пятерню разнесло не хуже подушки. Он пошёл к бабке Офигеновне, а ведьма помочь отказалась. Только и сказала: «Ох, часто ты не туда руки суёшь, Тох! Смотри, седня руку мало не откусили, а завтра как бы до головы не добрались. Образуемил бы ты! Иди отсюда, само заживёт, без меня».

Антон налил полстакана, выпил, закусил картохой. Дурная ночь, жмёт как-то сердце, а отчего – хрен поймёшь. Вышел покурить, затянулся. На воздухе вроде полегчало. Из-за реки донёсся вой. Смертно-тоскливая волчья жалоба плыла под звёздным куполом неба, словно искала кого-то. Когда вой замолк, Антон стряхнул оцепенение и от души выматерился.

– Чо лаешься, Тох? – спросили от соседнего забора. Вглядевшись в темноту, он узнал возвращавшегося с рыбалки Серого.

– Ты слышал?

– Чо?

– За рекой волчара вроде выл.

– Поспал бы ты, Тох, а то так и «белочку» поймать недолго. Какие те волки в мае?

– Вот и я не пойму какие...

«Ворожба на последнюю седмицу, Ладо на весь год путь оказывает, ворожба на последнюю седмицу, Ладо на весь год путь оказывает...» – прищёптывала Татьяна Афиногеновна.

До времени, когда начинать, оставалось ещё минут пять. Полночь стояла над Бобрецами, безмолвная, как чёрная вода в колодезе. «Звезды–то какие нынче крупные – рассыпчатые, как и не на Волге, а, прости Господи, в Аравии какой. Аж голова от них кружится, особенно если на Гончих Псов глядишь. Или это от «Беломора»? Совсем дерьмовый табак стал, развелось олигархов–хитрованов, гонят контрафакт всякий». Старуха затушила папиросу, ещё разок глянула на Псов и ушла в дом.

Полусаженная чёрная свеча горела ровно, огонёк отражался в тазу с дурманным травяным настоем. Ведьма припала губами к бурой маслянистой жиже и, не переводя дыхания, выпила весь таз. Крякнула, распустила космы, уселась перед свечой, вперила в огонёк по–совиному округлившиеся глаза, широко развела руками. Тишина загустела, как сметана, Афиногеновна слышала, как поскрипывает малая косточка где–то в плече. Резко хлопнула калитка, и сразу – дверь в сених. Взрычал, будто на зверя, сторожевой пёс Гарнизон и замолк, как не было собаки. Старуха кошкой метнулась к двери, ударилась всем телом, но с тем же успехом она могла биться об стену. За спиной скрежетнул засов, кто–то заложил ставни. Сама собой вдвинулась в трубу печная заслонка, на дверце печки расцвели узоры инея. Тяжёлые шаги простонали по сеним и затихли у двери. Огораживая себя взмахами чёрной свечи, бабка отступала в угол, губы шептали обережный наговор. Вот лопатки упёрлись в стену, дальше – некуда.

– Ты, Яндова, не бойсь, найдётся на тебя управа, – негромким басом сказали в сених. И сразу с грохотом выпал засов из ставня, и настезь распахнулись все двери и калитки. Ведьма прянула вперёд в сени, во двор, в сад. Постояла и медленно, по–старушечьи шаркая, пошла назад, в горницу. С натугой взбираясь на крыльцо, ступеньки которого перед ворожкой засыпала сплошным слоем соли, увидела – нет ничьих следов, кроме её собственных. Впрочем, иного и не ждала.

«Но голос взывшей от боли собаки рассеял все наши страхи. Кто уязвим, тот и смертен, и если она ранена, значит, её можно и убить. Боже, как бежал в ту ночь Холмс!» – Митя отложил книгу и прислушался. Кажется, постучали в окно. Он выглянул, но ничего кроме темноты не увидел. Тогда он вышел во двор. У окна никого не было. Непостижимый узор звёзд висел над спящей деревней. Митя представил себе, как доктор Ватсон, размахивая револьвером, мчит за Шерлоком Холмсом, настигающим собаку Баскервильей. «Хорошо им вдвоём работать, – позавидовал Митя. – И преступления вон какие заковыристые. А в нашем районе одна вечная антиалкогольная кампания с отягчающим мордобоем. Ладно, будет и на моей улице праздник. Все участковые с бытовухи начинали. Сколько там времени?» Фосфорные, как шерсть собаки Баскервильей, стрелки на Митиных часах слились в одну – ровно полночь. В зелёных цифрах на циферблате было что–то таинственное, они светились, словно глаза каких–то поселившихся в часах маленьких волшебных зверей. Но Митя Байков знал, что лейтенант милиции не должен впадать в мистический символизм. Тем более что завтра ехать в Ферапонтовку, искать свидетелей расхищения запчастей с новой сеялки. Хотя и без свидетелей ясно, что сеялку уконтрапунили дядя Жора с Анваром, но выпататься все–таки надо.

Вася ещё пару раз кликнул мышкой. Все в порядке, кадр сохранился, качество превосходное. Он отправил файл на печать. Принтер подумал и с ласковым жужжанием выдал картинку. Мальчик осторожно вставил ещё тёплую бумагу в рамку и укрепил на заранее вбитом

гвоздике. Теперь Пенелопа Крус всегда будет смотреть со стены на своего верного обожателя. А даже если кто и заметит, что это – вылитая Катька, так я не при делах – знать не знаю, фанатею от актрисы, и отвяжитесь на фиг. Бабушкины часы в гостиной с расстановкой пробили двенадцать раз. Однако в открытое окно вливался свежий ночной воздух, и звезды над соседней девятиэтажкой перешёптывались так, что спать не хотелось совершенно. Вася чуть передвинул монитор, чтобы, не отрываясь от фильма, краем глаза видеть Пенелопу—Катьку.

«Слушай, оруженосец! Это говорю тебе я, граф Робер Артуа! Перед тем как отправляться в поход, ещё раз задумайся – способен ли ты ради дамы сердца на подвиги, от которых, может быть, зависят её жизнь и честь. Там, где в дело вмешались сарацины, – жди чего угодно. Ты можешь встретить на своём пути не только неверных, с которыми легко договориться языком меча. Говорят, что в землях, куда лежит путь Христова воинства, водится всякая нечисть – твари, подобные нашим вервольфам, люди с двумя головами и каменным лицом, птицы, способные поднять в когтях рыцаря в полном доспехе. Готов ли ты к встрече с ними...» И тут вырубилась пробки. Вася сердито отключил блок бесперебойного питания и пошёл на кухню – искать запасную плавкую вставку. По закону подлости, конечно же, не нашёл. Он попробовал полюбоваться на звезды, но от вида ночного неба на душе сразу как будто сквозняк задул. Небосвод напоминал гигантскую воронку, грозил затянуть и унести неведомо куда. Оставалось только лечь, утро вечера мудренее.

Маргарита глотнула коньяк и откусила кусочек тартинки. Горячий клубок прокатился по горлу, и Маргарита почувствовала, как по телу волнами начинает расходиться блаженное тепло. Нервный озноб, мучивший её весь вечер, отступал. Она отпила ещё. Пламя свечей отражалось в бусинках икры, в уютной темноте кухни они сверкали, словно старинные самоцветы. Лалы – так в X веке назывались рубины. Красивое название. Красиво тонет живой огонёк свечи в золотистой глубине коньяка. Маргарита никогда не любила глупых застолий с хрусталём и свечами, ей казалось, от них за версту несёт театральщиной и дурацким снобизмом.

Но сегодня у неё совсем другой, особенный случай. Маргарита протянула ладонь к свече, легко коснулась кончиками пальцев дрожащего пламени. Язычок трепыхнулся, но Маргарита в тот же миг отдернула руку. Успела, не обожглась. Маргарита тихо засмеялась и потянулась за сигаретой. Конечно же, она молодец. И как все хорошо складывается в последнее время. Выходит, зря она так переживала из-за ухода Киргизова. Вот уж поистине не знаешь, где найдёшь, где потеряешь. Раскопки Вежецкого – это её настоящий шанс! Не безнадёжное копание в старых архивах, а весьма многообещающее практическое дело. Как удачно оно начинается! Сам Троепольский «нас заметил и в гроб сходя, благословил»!

После второй рюмки вдруг захотелось стать доброй–доброй, прямо сейчас. Что бы такое сдобрить? Придумала. Она выудила из помойного ведра томик Булгакова, обтёрла тряпочкой и отнесла на полку. Я дарю тебе жизнь! Эту книгу Маргарита не переносила на дух. Влюблённая неврастеничка, ставшая могущественной ведьмой, да вдобавок её тёзка – это уж слишком! Столь злобной иронии Маргарита не простила бы и самому близкому человеку. К книгам Марго относилась серьезнее, чем к людям, и поэтому до сегодняшнего дня рука не поднималась выкинуть чёртову чушь. Сегодня на миг показалось, что уже можно все. Но вот ведь, не выкидывается... Сзади грохнуло, по затылку и спине хлестнуло осколками. Оглянувшись, Маргарита увидела на столе россыпь битого хрусталя и растекающуюся коньячную лужу. С минуту не могла пошевелиться, давешний озноб сковал тело. Сейчас сами собой погаснут свечи, полуночный мрак выдавит стекла в окнах, уже на лестнице

слышны вкрадчивые шаги... Бешено повернувшись, она ударила по выключателю. Вспыхнул свет, и Маргарита внезапно вспомнила. Графинчик – то ещё тёткин, куплен в советское время. Маргарите как-то рассказывали, что тогда делали много дешёвой посуды из искусственного хрусталя. Но из-за неправильной термической обработки бокалы и салатницы часто трескались и взрывались прямо на столе. В общем, повезло, что успела спиной повернуться. Маргарита глянула на часы – три минуты первого. Надо бы ещё убрать осколки и вытереть лужу, но никак не удавалось унять дрожь в руках. Рассердившись, Маргарита просто плотнее захлопнула дверь кухни. Она приберётся здесь потом, когда отдохнёт. Но уснуть ей не удалось до самого утра.

Он закрыл тяжёлую, переплетённую в крокодиловую кожу обложку и задумался. Фолиант лежал на чёрной, привезённой с конгресса в Стокгольме, простыне, окованные медью углы блестели, как инструменты инквизиторов. Necronomikon, «Книга Смерти». Ох уж это, исключительно латинское, стремление все окружать мистическим туманом, наводить тень на плетень. Наверное, из-за этой страсти к внешним эффектам западноевропейская медиэвистика в целом и демонология в частности так недостоверны. Ведь славянские культы не имеют столь пугающего антуража, но, при детальном рассмотрении, таят в себе такие возможности... Куда там Necronomikon'у со всей алхимией и ересиографией в придачу! Михаил Троепольский не афишировал своего страстного увлечения историей колдовства, поэтому обычно занимался штудированием источников – как и сегодня – ночами, в полном одиночестве. Под окном кто-то вскрикнул жалобно и испуганно. Михаил легко вскочил на подоконник и высунулся в форточку – нужно осведомиться, что это за вопли в центре города посреди ночи, может быть, помощь нужна? Но на улице никого не было. Электронные часы на площади показывали 24:01. Электрическое зарево над городом съело звезды, только на юго-востоке, у самого горизонта, мерцала какая-то то ли звёздочка, то ли планета. Отсюда она казалась красноватой, зловещей. «Где-то в той стороне Вежецкое городище. Скоро, скоро отъезд, и это прекрасно». Спрыгивая с подоконника, профессор зацепился за торчащий из рамы кончик шурупа и здорово поранил ладонь. Тяжёлая, густая капля крови поползла вниз по запястью, щекоталась, пока он искал йод и вату. «Конечно, раскоп не обещает ошеломительных сюрпризов, – додумывал мысль Михаил, промокая ранку салфеткой, – однако, как говаривал Бендер, полную гарантию вам может дать только страховой полис... Странно, ранка небольшая, а кровь все никак не унимается...»

Человек, именовавший себя Магистром, досадливо пожал плечами, встал с дивана и зажёл настольную лампу. Придётся, хотя рукопись хочется читать именно так, как последние два часа, – лёжа, при свече. Её неверный свет не мешал звёздам заглядывать в окно, и Магистру казалось, что небосвод заодно с ним, что он тоже вглядывается миллионами своих звёздных глаз в витиеватые арабские письмена. И на того, кто их писал, смотрели те же самые, что и сейчас на Магистра, сияющие глаза неба. Они одинаково бесстрастно взирали и на то, как он скрипит пером по дороговому, подаренному самим Вторым Визирем, пергаменту, и на то, как грамотея волокут к жертвенному камню. Пускай, если задрать голову в Ширазе, увидишь совсем не те созвездия, что висят над Волгой, но это сути не меняет. Если взглянуть не снизу, из людской каши, а сверху, от звёздных хоров, то разницы между какими-нибудь Бобрецами и Ширазом никакой. Скоро, очень скоро, и он, Магистр, будет смотреть на мелочь людскую сверху, как господин и повелитель. Вот только сейчас придётся на секундочку вос-

пользоваться электричеством – именно от этой буквы зависит смысл слова, а написана она как-то странно. Словно сочинителя–каллиграфа кто-то толкнул, едва не заставив уронить перо. Тем более что фотокопия есть фотокопия, оригинал он, наверное, разобрал бы вообще в темноте, одним лишь чутьём идущего по следу зверя. При свете лампы стало ясно, что это все-таки «алеф». Магистр нервно лизнул свежую царапину, бросил в рот виноградину и жадно впился глазами в текст: «Кованный из чёрной бронзы браслет, по дуге – три клыкастые твари...»

Глава 3. Инструментарий для работы с кровью

*Перочинный ножичек в руках искусного хирурга далеко лучше
иного преострого ланцета.*

Из сочинений Козьмы Пруtkова

*Голова – эквивалент всего животного, задние ноги хищника
усиливают его связь с хтоническим миром.*

Е. Кузьмин. «Звериный стиль» евразийских степей

«...Кованный из чёрной бронзы браслет, по дуге – три клыкастые твари, и одна из них – волк, вторая – барс, а третья – тварь, невиданная в тамошних краях, обликом напоминающая гиену. И тот из людей, кто им завладеет, получит силу от бога лесного и звериного, обличьем волосатого, коего обитатели здешние смертно боятся и Хозяином почитают. И ежели кто тем

браслетом завладеет, сможет принимать облик любой из трёх тварей и сможет по желанию обратить в волка любого встречного и затем повелевать им, как последним рабом, до смерти. А убить оборотней простым оружием никак нельзя, и даже добрый дамаский булат не берет их, в чем мы, пишущие эти строки, убедились доподлинно сами...»

Свет настольной лампы резал глаза, Магистр отогнул занавеску и долго смотрел в темноту. Дотошный автор описал артефакт достаточно точно. Нет сомнения, что и все прочие его сведения достойны доверия. Какое счастье, что этому сумасшедшему арабу удалось благополучно унести ноги и вернуться домой. Иначе драгоценные сведения так и затерялись бы в глубине веков, оставив только след в тёмных преданиях неграмотных потомков детей Велеса. Но теперь... теперь ясно, что надо делать. Правда, полной инструкции араб не оставил, ограничился глухими намёками, но это не преграда. Подробные описания древних ритуалов имеются в других, параллельных источниках, все они Магистру давно и хорошо известны. Абд Фарадж добавил последний факт, но зато самый решающий.

Из подворотни вывернула машина, свет фар раздробился на тысячи струящихся осколков — оказывается, на улице давно сыпался дождь. Наверное, также блестит в лунном свете дамаский булат. Интересно, как умудрился купец выкрутиться из ситуации? Впрочем, это были личные проблемы Абд Фараджа, не стоит зря ломать голову. И без того есть над чем подумать. Во-первых, добыть сам артефакт. Если догадка верна, то его местоположение известно. Браслет сильно повреждён, но при устроении ритуала должен сработать. И второе... для ритуала нужна ещё одна вещь. До выезда в поле осталось полмесяца, время поджимает, а жулик-антиквар тянет время. Или просто хочет выманить у покупателя побольше денег?

Он их получит. Сначала — деньги. Потом, позднее, — все остальное. Магистр жёстко усмехнулся во тьму и вдруг так резко подался вперёд, что чуть не высадил лбом стекло. Внизу, в тени невидимых деревьев, перемещались две огненно-красные точки. Руки мгновенно стали липкими от пота, Магистр рванул на себя створку, позабыв выдернуть шпингалет, стекла жалобно задребезжали. В следующий миг до слуха долетел слабый звук двигателя отъезжавшей машины, красный отблеск мигнул и пропал. Подфарники! Ну конечно, а что это ещё может быть — в современном городе, в начале XXI века?

Сьва выгребла со стрежня, долблёнка сразу пошла ловчее, без натуги. Глянуть, разве, последний разок — где там гость? Над уже далёким островным берегом сиял Звёздный Воз. По тёмному склону опретью, спотыкаясь, но ходко, бежала-кабкалась малая фигурка. Вот и ладно. Бежать может — значит, не вовсе плох, отойдёт... Большие не оборачиваясь, она частыми гребками погнала лодку. С ходу проскользнула не приметной для чужого глаза щелью в сплошной стене камышей, заполонивших берега заводи. На чёрной воде спали болящие снежно-белые лилии. Слабо журчала в тишине вливавшаяся в Мать-реку малая речушка. Убежище надёжное, даже самые сильные охотники стараются обходить это дурное место стороной. Всякое старухи рассказывали, а Сьве что? Было бы где долблёнку схоронить, а случись лихо какое — на то оберег есть. Укрыв лодку в заросшей пещерке, спрятавшейся локтях в ста от устья речушки-детки, она, хватаясь за прибрежный тальник, вернулась к заводи. Отряхнула нацеплявшийся на понёву травяной сор, выпрямилась и застыла как вкопанная.

В двух саженьях перед ней ровный песок кончался и вверх вздымался глинистый обрывчик. Над его краем, перечёркнутый стрелами бурьяна, всходил рыжий щит луны, большой, как у пешего ратника... а между луной и берегом стоял ОН. Шести локтей в холке, весь узловатый. Помстилось, будто закрыл собой половину лунного щита... Чудище задрало морду,

и длинный вой, от которого вмиг словно замёрзло все вокруг, насквозь пробил ночное небо. Будь на месте Съвы Купава или Бусина – они бы пали и померли от боязни на месте. Но Съва знала, и отец и старуха Костромонь сказывали, что было такое в старину – встречали люди оборотней, слуг Хозяина лесов, и живыми оставались. Только не бояться! Подземные боги – они слабее Велеса, им нипочём с Велесом не сладить. Лишь бы вступился Велес – то...

Зверина умолкла и бесшумнее шерстяного клубка покатила вниз, к ней. Девушка выхватила поясной нож, дважды плюнула, полоснула по руке... Дымящимся кровью лезвием в два мига очертила запретный круг. Сунься – ка!

Зверь остановился перед наговорной чертой, скрипнул песок под когтями. Красные уголья глаз вспыхнули такой злобой, что волна жара в грудь ударила. Тупая морда улыбнулась до жутки по-человечьи, и гадина спокойно шагнула в круг.

Съва не успела и вскрикнуть – ОН прыгнул. Смердящая туша весом в бычью смяла девушку, получеловечьи-полумедвежьи лапы рванули рубаху от горла, на две стороны. Задохшаяся под такой тяготой, она не могла... Не могла бы, если б не была охотницей. Не успела вскрикнуть. Не могла шевельнуться. А нож всадила, как и сама не поняла, точно в срединную ямку, под основу шерстистого горла. В утробе твари тяжко чавкнуло, нож выпал, кровь густо хлынула в лицо Съве. И страшная, разверстая дыра от клинка, каким медведя бьют, сомкнула края и исчезла. Когти чиркнули по голой шее Съвы, предкам знать почему не распоров напополам. Лопнул шнурок с оберегом, нечисть зарычала, словно камни посыпались, победно вскинулась. Извернувшись, Съва ухватила болтающийся на когтях оберег, сверкнула медью Берегиня-рожаница. Сжала в кулаке до хруста, ведь помирать сейчас, как в дорогу к предкам – да без оберега? И наугад ткнула кулаком вперёд.

Она пятилась к воде. Зверь, только что катавшийся по песку и ревеливший на всю округу, умолк и шёл на неё. Левый глаз пылает, как горн в отцовской кузнице, правый – заплыл, будто стёрли его. Пасть ощерена, синие губы вытянуты в нитку, клыки – куда там вепрю. Волкодлак прыгнул, и Съва кувыркнулась назад через голову, нырнула рыбой-карасём вдоль воды. Зверюга сгоряча кинулась следом, влетела передними лапами в приплеснувшую тихую волну. Речка вскипела, от сивой шерсти повалил дым, и оборотень с воем вылетел на берег. Съва не смотрела, что он там, ей казалось: взгляни ещё раз – и душа замрёт насовсем. Она плыла, плыла, хлебая воду, до ломоты в руках и ногах, лишь бы скорей, лишь бы подальше от бережка. Речные Берегини, оборонившие в страшный миг, и здесь не оставили: мягкие водяные руки подхватили снизу, вытолкнули на быстрину, на серебряной струе вынесли в Мать-реку.

Съва опомнилась, когда вокруг заходили-закачались крутобокие волны. Они лоснились тусклым ножевым блеском, и Съва поняла, почему взвыл волкодлак. Смертные у Матери-реки объятия, не подпустит она нечисть... Завертела головой, но правый берег, где осталась тварь, потонул в ночи, и не слышалось оттуда ни звука. Под руку ткнулась плывущая по течению коряга, Съва ухватила, перевела дух. Чего ж ей теперь делать? На берег выходить боязно, а ну как волкодлак стережёт, а и тут болтаться негоже. До утра, глядишь, унесёт ещё к самому морю Хазарскому. Звёздный свет сыпался с неба, ночь ещё только-только поворачивалась к рассвету.

Съва отпихнула корягу и начала выгребать встреч течению, стараясь не терять черневшего берега, не то утащит на самую быстрину. Она гребла изо всех сил, вскидываясь на волнах, раздвигала ставшую неподатливой воду. От бесконечного колыхания у неё скоро зарябило в глазах, плечи отяжелели. Уже не всякий раз Съва успевала взлетать на гребни, с головой срывалась в ямы между ними, горстями отплёвывая холодную воду. Ей казалось, что она плывёт бесконечно долго, но приметный мысок над овражком, за которым рукой подать до родного селища, все не показывался.

Тугие подводные струи тянули назад, словно арканом, стоило на мгновение перестать грести, её сносило на несколько сажений. Пробудившийся перед рассветом с полуденной стороны ветер не мог помочь Съве, только будоражил гладкие бока волн серебряной рябью.

Из последних сил она повернула к берегу, плыть сделалось сразу легче, видно, заветный мысок уже близко и прикрывает от течения. Вывернувшись невесть откуда вал ударил в лицо, и Съва закашлялась, забилась, как рыба в верше. Отплевавшись, смахнула воду с ресниц и краем глаза поймала, углядела, как метнулась в тёмном кустарнике на берегу алая точка. Метнулась и пропала, спряталась. Но Съва знала, что ей не померещилось. Все тело нестерпимо болело, руки и ноги не слушались, когда она, стиснув зубы, поплыла опять вдоль берега.

Наверное, надо было сразу плыть до той стороны, Съве не раз доводилось одолевать вплавь Мать–реку, и на сей раз бы справилась. Но что зря жалеть, теперь–то ей точно не доплыть. Съве захотелось закрыть глаза, перестать бороться, и пускай упокоят её ласковые Берегини. Совсем уж было собралась, когда ноги зацепили вдруг вязкое дно.

Коса! Нет, не выдали её речные Берегини, оборонили до конца. Эту подводную отмель, вытянувшуюся подле приметного мыска саженьх в сорока от берега, Съва знала прекрасно.

Она с трудом сделала несколько шагов и остановилась: в зарослях на мысу кто–то был. Разглядеть наверняка Съва не могла, но это и не требовалось. В предутреннем воздухе стоял густой запах колдовской свирепой злобы, и ошибиться было невозможно. Оставалось только ждать, ждать светлой зари, прогоняющей лесную нечисть.

Голова кружилась, девушке казалось, что в движущемся мире она одна остаётся на месте, а заветный мыс, за которым прячется родное селение, уплывает вдаль вместе с рекой. Холодные струи сделались совсем ледяными и давили на грудь, как невольничьи путы. Сознание временами пропадало, в короткий миг прояснения она увидела, что ночной мрак посерел и над поверхностью реки ползут, завиваясь, плети тумана. Радость захлестнула и тут же погасла. Нет, нельзя ещё выходить на берег. Хороший охотник умеет выждать, когда его добыча потеряет осторожность. Ночная тварь была хорошим охотником.

Съва тоже ждала, ждала целую вечность, обратив лицо к востоку, беззвучно шевеля посиневшими губами: «О, трижды светлое, приди!» Все вокруг замерло и ждало вместе с ней: Мать–река, мокрые от росы травы, кусты ивняка, тысячи мелких лесных жизней. И лишь когда над белой волной тумана сверкнул и медленно поднялся огненный щит солнца, мир вздохнул одной грудью и ожил.

Переступая онемевшими ногами, Съва побрела к берегу. В одном месте дно вдруг ушло из–под ног, и девушка чуть не захлебнулась, собственное тело стало тяжёлым, как ключ тянуло на дно. Съва едва выползла на сухой песок, и её согнул пополам приступ свирепого кашля. Она схватилась руками за грудь, упала на колени. «Значит, все было зря, от злой лихоманки не убежишь, – подумалось равнодушно. – Отца только жалко... Ладно, лишь бы Линёк обратно в силу вошёл. Проживут как–нибудь вдвоём...»

Кашель унялся, стало можно дышать. Съва вытерла рот и неверными шагами направилась к мысу. Она шла, и мир вокруг неё мерно кружился, покачивался, она ничего не видела и, когда вдруг упёрлась лбом в преграду, не сразу поняла, что случилось. Съва медленно подняла глаза, взгляд скользнул по рубaxe из волчьей шкуры, по широкой серебряной гривне, на которую падала густая, как ночной туман, борода. Позвид? Что жрецу Велеса нужно от Съвы? Неужто волхв каким–то дивом прознал, что она посмела обратиться к Хозяину лесов сама, не спросив его дозволения? Но предки всегда говорили с богами напрямую, отец рассказывал!

Съва отважно взглянула Позvidу прямо в лицо и словно провалилась в чёрную яму. На месте правого глаза волхва взбух, налился кровавой синевой здоровенный желвак. Волхв медленно обнажил в усмешке частые волчьи зубы и неуловимо быстрым движением схва-

тил Съву за шнурок берега. Блеснули четырехвершковые когти, не успевшие сделаться человеческими ногтями... Ключья шерсти, густо покрывающей кожу, распаались и таяли на глазах Съвы, она увидела, как сверкнуло в лучах рассвета обручье чёрной бронзы на могучем запястье. Тогда к ней внезапно вернулся голос, она закричала, и звонкий мальчишеский голос отозвался сразу, словно эхом:

– Съва, Съва, сестрёнка! Я здесь!

Позвид рванул, шнурок лопнул, и волхв, повернувшись, исчез в зарослях за секунду до того, как на тропинку выскочил, припадая на больную ногу, встрёпанный Линёк.

Ранним воскресным утром город всегда кажется пустой квартирой, жильцы которой спешно укатили на дачу. За тёмными окнами офисов не теплится жизнь, на крыльце университета не гомонят студенты, редкие троллейбусы проползают по улицам спокойно и неторопливо. Водители не требуют от пассажиров сердитыми голосами «освободить двери», потому что и пассажиров-то никаких нет, кроме одного-двух чудаков, и кондукторша благодушествует, досматривая утренний сон прямо на рабочем месте. Хорошо ехать в таком троллейбусе утром, хорошо потом сойти в самом центре старого города и окунуться в тень липового сквера, прошитую косыми лучами ещё не горячего солнца.

Сразу за сквером торчит довольно массивное здание тридцатых годов прошлого века, того архитектурного стиля, который прозвали «сталинским ампиrom». Прежде здесь помещался дом политического просвещения, в громадном зале на первом этаже собирались многотысячные собрания, гремели речи, в которых, очень может быть, намертво клеймились враги народа... Все в прошлом. Ампирный дом заснул и тихо ветшает уже второй десяток лет без капремонта. Оживает он только воскресным утром, ровно в восемь. Здесь собираются коллекционеры.

Магистр подождал в сквере под липами, пока толпа у входа не загустела окончательно, и смешался с ней. Поток коллекционеров внёс его в узкие двери (как и положено, из четырёх створок две были наглухо заперты) в зал, перегороденный сдвинутыми рядами столов. На столах было навалено все, что только когда-нибудь и где-нибудь копило человечество: марки сериями и россыпью, марки в кляссерах и кляссеры без марок, значки и старые открытки, ордена и иконы, спичечные коробки, старые чугунные утюги и изразцы XVIII века с надписями. Отдельным рядом расположились нумизматы, высыпав перед собой на столешницы горки мелких монет, в основном советских копеек разных периодов и американских центов.

Тут было на что посмотреть свежему человеку, было возле чего разинуть рот. Но Магистр, рассеянно скользя взглядом по столам, медленно двигался вместе с потоком идущих, не делая попыток притормозить и словно бы вовсе ничем не интересуясь. В конце зала людской поток запинался и тормозил, вынужденный обтекать нелепую квадратную колонну метров двух в сечении. Пользуясь этим, Магистр сделал шаг в сторону и остановился у бокового стола, уставленного всякой рухлядью. Здесь были пара скособоченных, как от хорошего удара, керосиновых ламп, несколько потемневших от времени серебряных ложек, пустой оклад от иконы и десяток железяк загадочного назначения. Хозяин, человек лет тридцати пяти, в джинсовой безрукавке со множеством карманов поверх клетчатой рубашки, сосредоточенно протирает бархоткой нечто, напоминающее овальный жетон калифорнийского полицейского, и даже не взглянул на покупателя.

Магистр извлёк из кармана серебряный николаевский рубль и нетерпеливо постучал ребром монеты о стол. Хозяин поднял глаза и, кажется, ничуть не удивился.

– А, это вы?

– Как видите. Или вы рассчитывали, что меня сегодня не будет? Вы потребовали у меня двухнедельный срок и обещали, что заказ будет выполнен. Сегодня закончится третья неделя. Предоплата внесена, и я хочу получить... вещь. Или вы не смогли достать, а зря кормили меня обещаниями? – в голосе Магистра змеей проскользнула угроза. Николаевский рубль равномерно постукивал по столешнице.

– Прекратите стучать, это меня нервирует! – возмутился антиквар, бросая жетон и начиная тереть бархоткой переносицу.

– И все-таки? – Магистр поднял керосиновую лампу и начал с преувеличенным вниманием её разглядывать.

На лице антиквара одновременно выразились жадность и сомнение, но тут Магистр отвёл глаза от лампы и быстро взглянул из-под тёмных ресниц. Антиквар как-то пригнулся, вытянул из-под стола длинный ящичек, напоминающий пенал, и пробормотал:

– Здесь ваш заказ. Давайте деньги.

Магистр мягко отвёл ладонь продавца:

– Сперва покажите.

– Ладно. Но имейте в виду, вещь-то ценная, не стоило бы её тут. Впрочем, как знаете. Вот, не хотите ли инструментики глянуть?

Антиквар поставил на стол второй ящичек и сдвинул крышку. Внутри обнаружились чёрные круглые клещи устрашающего вида и нечто вроде скальпеля с круглым лезвием.

– Акушерские щипцы и ланцет, XVIII век, – бодро сообщил антиквар, одновременно сдвигая крышку первого ящичка.

Ноздри Магистра затрепетали. На куске выцветшей холстины лежал изъеденный временем нож длиной в полторы ладони, с круглым желобком посередине лезвия. Антиквар ловко захлопнул крышку.

– Я беру эти инструменты. – Магистр положил в ладонь антиквара заранее свёрнутые купюры. Свёрточек был тяжёл не по размерам, и недаром: внутри банкнот прятались четыре полновесных золотых соверена времён колониального владычества Великобритании.

Магистр не спеша обогнул колонну вместе с потоком народа, но на улицу не вышел. Вместо этого он свернул по коридору вбок и нырнул в дверь с обшарпанным клеймом WC. Но ни «М», ни тем более «Ж» за дверью не обнаружилось. Магистр увидел полутёмный коридорчик, заставленный швабрами и вёдрами, ничуть не удивился и прошёл в конец, где виднелась ещё одна дверца. Открыл её и вышел на улицу.

Глава 4. На пороге безопасности

Взирая на высоких людей и высокие предметы, придерживай картуз свой за козырёк.

Из сочинений Козьмы Пруткова

Эта идея оказала огромное влияние на европейскую археологию, хотя позднее она была подвергнута критике...

Археология (под ред. академика РАН В. Л. Янина)

– Короче, поехали с нами! Чего тебе одной в городе париться? В палатке жить будем, прикинь, как здорово. С одной стороны лес, с другой – Волга. Утром проснулась – сразу

заныриваешь! – выпалив последний довод, Катька плюхнулась на пол и моментально сложила в позу лотоса. В прошлом году она увлеклась йогой, три месяца бегала в студию «Девы» в подвале городского Дома культуры. Там её научили сокращать диафрагму, дышать животом и закладывать правую ногу за ухо. До левой дело не дошло, Катька с йоги переключилась на историю. Теперь ходит в кружок юных археологов при Гуманитарном лицее, вон даже в экспедицию её взяли.

Лиска с завистью вздохнула. Лето, считай, не начиналось, тепло наступило неделю назад, а Катька уже загорелая, словно месяц на Багамах отдыхала. Неужели в экспедиции ухитрилась? Чудно. В представлении Лиски археология прочно связывалась с землекопными работами, гробницами и прочей пылью веков.

Не позволит она Катьке втравить себя в очередную авантюру. С 1-го по 7-й класс Лиска безропотно несла бремя «лучшей подружки». Металась из танцевальной студии в кружок бисероплетения, собирала марки, лазила ночью на крышу считать звезды, курила в школьном туалете... От сигарет Лиску тошнило, рукоделие нагоняло тоску, а высоты она боялась с раннего детства. В 7-м классе Лиска взбунтовалась. Бросила секцию мотоспорта и самостоятельно записалась на курсы английского языка. Она занимается любимым предметом второй год, Катька вроде бы примирилась с такой «изменой», даже дуться перестала. И вот опять.

– Зачем я поеду, я же в археологии ничего не понимаю. И вообще меня не возьмут, я же не из кружковцев, – начала Лиска и запнулась. Внезапно ей захотелось поехать. Ночевать в палатке на берегу Волги... днём жариться на золотом песочке, освежаться заплывами до середины реки.

Лиска едва не застонала от предвкушения. И наплевать на эту дурацкую «пыль веков», вон Катька, судя по всему, не слишком ей пропиталась. Нет, подружка права, надо ехать, пока предлагают.

За окнами плавится душный июнь, клочья тополиного пуха бесформенными гирляндами кружат в потоках перегретого воздуха, как хлопья заварки в стакане, а запах горячего асфальта слышен даже в квартире третьего этажа. В такую погоду в городе остались только больные и трудоголики. Или такие растяпы, как она.

Лиска села напротив подружки и попыталась скрестить ноги.

– Пятку на бедро заворачивай, – заметила Катька, – да не бойся, нога не отвалится. В студию ходить надо было!

– Отстань. С чего ты взяла, что меня возьмут на ваши раскопки?

– Ага, зацепило! Я так и думала!

Лиска нахмурилась:

– Ничего подобного. Я просто спросила... и вообще мне некогда, надо к осенней олимпиаде готовиться. Победителей на месяц в Англию отправят, совершенствовать язык. Представляешь?

Катька с уважением кивнула. Стажировка в Англии – это было круто. Но буйный темперамент не позволил ей отступить. Все Катькины проблемы были от этого темперамента. Она уверенно сказала:

– Заниматься языком можно и в экспедиции. Копаем до четырёх часов, потом – свободное время. Хочешь – зубри, хочешь – на пляже валяйся. Кстати, на пляже учить куда лучше, чем в этой душегубке.

– А я копать не умею...

– Ерунда, никто не умел. Тем более лопатой махать тебе не придётся, для этого парни есть. Мы делаем тонкую работу, понимаешь? – Катька важно сложила ладони лодочкой в районе третьей чакры и исподтишка покосилась на подружку.

Лиска неуверенно хлопала пушистыми, как испачканные сажей одуванчики, ресницами. Она явно поддавалась на уговоры. Катьке очень хотелось вытащить её на раскопки. Во-первых, без Лиски было не то чтобы скучно, но совсем не так интересно. Во-вторых, Катька была щедрым человеком и любила делиться. Конфетами делиться или интересными впечатлениями – ей было по барабану, лишь бы человек адекватно реагировал. С Лиской делиться было интересно, она всегда все правильно понимала.

Катька, прищурясь, кинула на Лиску из-под правой пятки проницательный взгляд и скомандовала, как в прежние времена:

– Одевайся, в универ сгоняем. МВ сегодня там, поймем его. Он классный дядька, наверняка разрешит тебе ехать.

– МВ – это кто?

– Профессор, Михаил Вадимыч Троепольский. Руководитель экспедиции. Его на какое-то совещание вызывали, обычно он с раскопок ни ногой. А я отпросилась, наврала, что зубы лечить. Нарочно ради тебя старалась, так что собирайся.

– А как же мама? Она же думает, я в городе, – выдвинула последний аргумент Лиска.

– Ерунда, позвони ей в санаторий и сообщи. Хочешь, я свою маму подключу? Она заодно объяснит, что это не какая-то лавочка, а экспедиция университета, все солидно и абсолютно безопасно. Как в государственном банке!

Лиска покосилась с подозрением, Катькины представления о безопасности были ей хорошо известны, но промолчала. В этот момент за окнами страшно зарычало, в форточку просочилась голубая струя выхлопных газов. Опять сосед с нижнего этажа пытается завести разболтанный жигуленок. Небось на дачу собрался. Лиска знала, что мотор будет реветь минут пятнадцать, не меньше, терзая уши и нервы жильцам. Наверное, именно в этот момент все и решилось. Разозлясь разом на себя и на соседа с его дурацкой таратайкой, Лиска вскочила и помчалась в ванную. Через десять минут девчонки уже запирали за собой дверь квартиры.

Позднее Лиска вспомнит и удивится – как это она тогда ничего не почувствовала? Если верить авторам «ужастиков», вроде Дина Кунца или Стивена Кинга, она просто обязана была ощутить нечто вроде внезапного озноба или хотя бы судорог в желудке – симптомов, которые полагается ощущать людям на пороге странных и жутких событий. События уже двигались на них полным ходом, как спятивший грузовик на детскую песочницу, но ни одна из подруг не испытала даже банального головокружения. Что поделаешь, на полноценных героинь кошмарного триллера Катька и Лиска явно не тянули.

Спустя полчаса девчонки в переваренном состоянии выпали из душного автобуса в центре города, на бывшей площади Ленина, не так давно вернувшей своё исконное название Пожарной. Всю дорогу Лиска мечтала о глотке свежего уличного воздуха, и, как оказалось, напрасно. Над площадью, размазывая чёткие силуэты особняков стиля провинциальный классицизм, висел сизый чад, дышать им было совершенно невозможно. Сплошной поток машин неохотно тормозил перед полустёртой «зеброй», и пешеходы форсировали площадь на свой страх и риск, как придётся. Выдирая вязнущие каблуки из распаренного асфальта, Катька с Лиской храбро перебежали «зебру» под носом летящего самосвала и нырнули в арку углового особняка.

Здесь, в тесном дворике, сеяли прозрачный пух тополя и было неожиданно тихо. Катька толкнула тяжёлую дверь с табличкой «Истфак» и провела Лиску полуподвальным коридорчиком куда-то вниз и вглубь.

– А я думала, университет в другом здании, – заметила Лиска, вздрагивая от озноба. После разогретого полудня в коридорчике казалось холодно, как в склепе. – Занюханное какое-то место, на склад похоже.

– Ну что ты хочешь, у универа денег на ремонт нету. Главный корпус нормальный, а в этом все равно лекции не проходят, только практикумы. И коллекции тут хранятся, так что можно сказать, здесь действительно склад. Вот сейчас посмотришь, у МВ в кабинете чего только не сложено! Все забито находками, так интересно!

И, резко затормозив, Катька постучала в низенькую дверцу:

– Михаил Вадимович, можно?

Лиска внезапно струсила, но взяла себя в руки. Вслед за Катькой переступила порог и увидела профессора. Вовсе не старый, только волосы почему-то пегие, как у пожилых. Может, он их нарочно мелирует? Тёмные глаза сидят чересчур близко к переносице, и лицо от этого кажется узким, как лезвие. А впрочем, ничего себе, пожалуй, даже симпатичный дядька.

Лиска раньше думала, что профессора всегда бывают в очках и с бородкой, и совсем растерялась. Профессор, которого они оторвали от какой-то толстой, по виду страшно старинной книги, рассеянно смотрел ей в переносицу. Мысли его явно были где-то далеко.

– Здравсьте, Михаил Вадимыч, это моя подруга Алиса, она очень интересуется историей, – выпалила Катька и незаметно больно пихнула Лиску в бок. – Я ей про нашу экспедицию рассказывала.

– Да? Это очень приятно, – профессор сморгнул и очнулся, его туманный взгляд сфокусировался на лицах девочек. Он пальцем прижал норовящие захлопнуться толстые листы книги. – Одну минуту. – Что-то быстро черкнув на узкой полоске бумаги, вложил её между страниц и захлопнул окованный узорным металлом переплёт.

– Так, я слушаю. Какая-то проблема, Катюша? Стоматолог назначил ещё дополнительный приём?

– Что? А... нет, все в порядке, он не понадобился. В смысле все уже вылечили за сегодня, – спохватилась Катька. – Михаил Вадимыч, вот Лиска... ой, то есть Алиса, можно ей тоже к нам в экспедицию? Она будет стараться! Она осенью к нам в лицей поступать хочет!

Правая бровь профессора дрогнула, задралась, как крыло чёрной птицы.

– В лицей? Это похвально! Вы настолько интересуетесь историей? – поинтересовался Михаил Вадимович у Лиски, и она почувствовала, что краснеет. Похоже, профессор видел их с Катькой насквозь.

– Да. То есть раньше я занималась в основном языком, английским, но история тоже... очень интересует. И если бы я могла попасть в вашу экспедицию. Катя говорит, что вам нужны работники... То есть...

– Михаил Вадимыч, она и жить в моей палатке может, – поспешно вставила Катька, – вместо Вали Палеевой. Валя же все равно не приедет?

Профессор вздохнул:

– Просто удивительно, и откуда эти девушки берут информацию? Ох, эти таланты бы да в мирных целях... Кстати, Катюша, как там дела с расшифровкой полевых записей? Вы с Васей обнаружили наиболее интересный вариант предания, мне бы хотелось, раз уж ты сейчас в городе, чтоб ты его оформила поскорей, отдельно. Скажем, к завтрашнему отъезду.

Катькино лицо на миг сделалось кислым, у неё явно были на вечер свои планы, но она спохватилась и с энтузиазмом кивнула:

– Конечно, сделаю. Так как насчёт экспедиции?

– Ну, поскольку имеется даже место в палатке, – профессор развёл руками, его брови ходили ходуном, – придётся разрешить.

Лиска осторожно перевела дух и едва не охнула: подруга в восторге вторично ткнула ей под ребра. Ладно, она Катьке попозже ещё выскажет

А профессор оказался действительно не вредным. Совершенно не похож на учителей в школе. Скорее, напоминает графа Монте—Кристо с картинки в книжке, такой же смуглый и задумчивый. У него многозначительное лицо — сразу видно, не пустяками человек занимается. А каморка похожа на пещеру отшельника. Теперь, успокоившись, Лиска наконец смогла рассмотреть её как следует. Штабеля коробок и фанерных ящиков (наверное, те самые коллекции) занимали почти все свободное место. Свет из узкого полуподвального оконца падал на заваленный книгами стол, намертво заклиненный между парой тяжёлых стеллажей от пола до потолка. На торце ближнего стеллажа Лиска увидела фотографии каких-то людей в походной одежде, с лопатами наперевес, и старинную карту, с рисунками рыб, пузатых корабликов и надписями на неизвестно каком языке, похожими на затейливый орнамент. Лиска обожала картинки в стиле примитив, одно время даже собирала открытки с репродукциями средневековых миниатюр, и теперь сразу забыла, что пора бы уходить. Катька, сердито шипя, тянула её за руку, нервничала. Не хватало только рассердить Троепольского, когда все так удачно складывается. И без того отвлекли МВ от важных занятий.

Но профессор не рассердился, даже наоборот.

— Заинтересовались? — доброжелательно воскликнул он, разом теряя задумчивый вид и оживляясь. — Между прочим, здесь изображена наша Волга, не узнаете? А вы присмотритесь внимательней, Алиса... так, кажется? Вот Жигулёвские (конечно, тогда они иначе назывались) горы, вот устье Оки... Узнали?

Лиска смущённо кивнула:

— Да. А почему Волга не в ту сторону течёт?

— Арабы всегда помещали север внизу, а юг наверху листа. Это средневековая арабская карта.

— Настоящая средневековая?

Профессор улыбнулся, но ответить не успел, в дверь забарабанили.

— Михаил Вадимыч, вам тут какие-то на вахту звонят! По делу, говорят, насчёт семинара. Подойдёте или как?

— Насчёт семинара? — профессор недоуменно уставился на Катьку с Лиской и хлопнул себя по лбу. — Ах да, совсем из головы вылетело. Спасибо, Марья Петровна, немедленно подойду! А вы, девочки, если не торопитесь, подождите меня. Я дам Алисе книгу по славянской культуре, пусть немного войдёт в курс дела. Да и тебе, Катюша, не помешает ознакомиться...

Он вышел, подруги переглянулись.

— Ну вот, теперь ещё и книгу читать придётся, — заворчала Катька. — И надо было тебе эту карту рассматривать. Можно подумать, оно тебе надо! Между прочим, невооружённым глазом видно, что это ксерокопия.

— Откуда ты знаешь, что мне интересно, что нет? — досадуя на собственную глупость, буркнула Лиска. Сразу можно было сообразить, что настоящие древности на шкафы не вешают. Наверное, они хранятся в этих ящиках... может быть, даже на столе...

— Сама же говорила, история тебе до лампочки! Кто со мной в кружок не записался? Конечно, тогда зима была, а теперь в экспедиции сразу интересы поменялись! Имей в виду, ознакомляться со славянской культурой будешь за нас обеих, мне потом перескажешь. Мне и так сегодня записи оформлять, весь вечер собаке под хвост! Вот на какие жертвы я иду, и все, между прочим, ради тебя, окаянная!

Лиска рассеянно кивнула. Она почти не слышала, что говорит подруга. На столе, под россыпью исчерканной ксероксной бумаги, виднелся неровный край жёлтого листа, испещ-

рѣнный выцветшей коричневой вязью, очень похожей на надписи на карте. Древний манускрипт!

– Что ты делаешь? – удивилась Катька. – Эй, не трогай! Не дай бог, рассыплется!

Но Лиска уже сдвигала бумаги в сторону. То, что лежало под ними... нет, конечно, это была никакая не бумага. Обгорелый с верхнего угла лист неизвестного материала, жѣсткого и шершавого на ощупь, в подозрительных бурых пятнах поверх полустѣртых строчек древнего письма. Или это просто расплылись от сырости чернила?

Едва прикасаясь, Лиска провела пальцем по верхнему краю манускрипта. От него поднимался и щекотал ноздри едва уловимый запах дряхлости и гари, бурые пятна разрастались и медленно затопляли сперва строки документа, потом ксероксные листы с торопливыми выписками профессора, потом груды фолиантов на краю стола...

Змеино зашуршало и грохнуло, Лиска увидела, что сидит на полу, держась руками за голову, посреди рассыпавшихся книг, и бледная Катька машет перед ней раскрытым блокнотом. Лиска попыталась оттолкнуть блокнот.

– Ты что?

– Это ты – что! Сумасшедшая! Я так испугалась!

– А что случилось? Кто это уронил?

– Ну ничего себе! Да ты же только что и своротила! Как руками махнёшь, да как ляпнешься! Тебе чего, совсем плохо? Это от духоты, пылью воняет, как в склепе. Не понимаю, как профессор тут выдерживает. А Марго, та вообще постоянно над всякой бумажной рухлядью корпит, она со своими библиографическими исследованиями даже в поле не выезжает. Первый раз, говорят, в этом году поехала, и то потому, что МВ раскопки ведёт! Влюбилась, как курица!

Лиска потрясла головой, окончательно приходя в себя, и в испуге вскочила.

– Ой! – её заметно повело в сторону.

– Стой ты! Сейчас шкаф своротишь! – Катька отпихнула её к двери и поспешно стала подбирать раскиданные книги.

– Фиг знает, как они лежали. Ладно, авось МВ не заметит, у него тут вечно разгром, как после побоища. А бумаги просто сверху насыплю! Во! Все, как в аптеке!

Вечером Лиска села за стол и раскрыла «Этнографию восточных славян», вручѣнную ей профессором. Пусть Катька уверяла, что читать это совершенно не обязательно: на раскопках профессору будет не до того, чтобы устраивать экзамены, а до осени все пять раз забудется, Лиска поступит по-своему. Во-первых, не помешает въехать в тему, чтоб сразу не ступешаваться среди исторически подкованных лицеистов. Во-вторых, что греха таить, Лиске хотелось сделать приятное профессору. Вон как человек обрадовался, когда она заинтересовалась картой. Правда, он не видал, как Лиска потом шарилась в его древних документах...

– Не понимаю, чего это на меня тогда нашло? Глупость какая-то. – Лиска вздохнула и решительно окунулась в премудрости этнографии. Читать с первого листа показалось ужасно скучно, но Лиска знала, как бороться с подобным явлением. Недаром она была сознательной отличницей с шестого класса, когда вдруг поняла, что учиться в принципе полезно. Она пролистнула сотню страниц и опять посмотрела. Вверху листа были схематичные фигурки с поднятыми руками, к которым подходят непонятные звери. «...Трехфигурная композиция: изображение богини с двумя обращѣнными к ней всадниками, животными или птицами по бокам...»

Здесь уже было поинтереснее, и она понемногу вчиталась.

«Долгое время удерживались в северо–восточной Руси тотемистические верования, связанные с культом Велеса, или Волоса. Волос – волосатый, волохатый, отсюда волхв – тоже волохатый, м. б. одетый в медвежью шкуру. Сведения о связи Велеса с культом медведя идут с далёкого севера славянского мира, где охота долгое время сохраняла своё значение. Первоначально Велес мог означать духа убитого зверя, т. е. духа охотничьей добычи, в земледельческом обществе Велес становится богом скота и сохраняет связь с миром мёртвых...»

Лиска устало зевнула, роняя голову на параграф 26–й «Материальная культура древних кривичей». Из–под задёрнутой занавески в окно сочился запах бензина и остывающих от дневной жары тополей, тонкими, пронзительными голосами пели ожившие с темнотой комары. Роса уже пала, и подол Лискиной рубахи отяжелел от влаги. Босые ноги несли её по мокрой траве напрямик, без тропинки, которая осталась где–то сбоку. Почему–то Лиска была уверена, что идти по ней никак нельзя. За спиной летучим огнём полыхнула зарница, и впереди на миг возникла, грозно щетинясь макушками, стена чёрного бора. Совсем рядом.

Лиска юркнула под плотный навес ельника и словно окунулась в чернильницу, теперь приходилось двигаться от ствола к стволу медленно, нащаривая путь вслепую. Она отводила от лица колючие, остро пахнущие ветки и где-то на краю сознания понимала, что лучше проснуться. Она попыталась и увидела, что стоит у подножия травяного холма, на макушке которого торчит здоровенный столб. Над холмом, в бездонном колодце неба, мигали зарницы, это Световидовы внуки помогали созреть хлебам. Беззвучная вспышка вырвала из тьмы грубо вырезанный суровый профиль – лик могучего бога. Лиска облизнула губы, нащаривая за пазухой тряпицу с просяной лепёшкой, заведённой на утренней росе с капелькой крови. Старуха Костромонь уверяла, что Велесу понравится такое приношение.

Конечно, обращаться к Хозяину лесов напрямую не совсем гоже, никто так никогда не поступает. Если волхв узнает – сильно рассердится, в звериную шкуру навек одеть может! Говорят, в прошлую осень целую весинскую свадьбу в лютых зверей обратил! И жених, и невеста, и сваты – все с воем в лес убежали.

Лиска стремительно взлетела по склону, раскрошила лепёшку в деревянную чашу. «Прими подношение, Хозяин леса, не гневайся. Дай моему брату исцеление. Не ведал он, на чьего зверя секиру поднимает, не знал, что творит...»

Полыхнуло небесным огнём так ярко, что Лиска с перепугу сунулась носом в землю, где-то за горизонтом слабо пророкотал гром, и девушка поняла, что бог услышал моление. Торопливо сползла со склона, хотела бежать обратно... и приросла к месту. Кто-то кликал из чащи леса. Лиска дёрнулась, заметалась во сне, но ноги уже несли её в ту сторону, откуда раздавался стон. Шаг, ещё шаг... казалось, она движется в густом киселе, и даже дышать трудно. Стон доносился из-за плотного частокола деревьев, кольцом обступавших холм. Лиска опустилась на четвереньки, поползла низом, под ветками, и упёрлась носом в край шалаша. Ноздри защекотал тревожный металлический запах, так пахнет свежая кровь. Внутри ничего не было видно.

– Кто тут? – шёпотом спросила Лиска.

В темноте замолчали, слышалось только трудное дыхание. Кто там? Человек? Зверь? Она уже готова была бежать, но тут свет бегучей зарницы упал сквозь щелястую кровлю, на короткий миг Лиске предстало сведённое мукой смуглое лицо с разбитыми в кровь губами. Что-то тягостно метнулось в памяти, словно она уже видела этого человека... нет, не вспомнить, не проснуться...

Она осторожно протянула руку, нащарила скрученное верёвками тело – и вздрогнула. Вместо грубой холстины пальцы нащупали мягкотканое, струящееся, здешние люди такую одежду не носят. Здешние люди надевают рубахи из грубого холста, а на праздники – из белёного льна, он тонкий, но все же не такой ласковый к телу. «Шёлк, – подумала Лиска, чувствуя, как её стремительно несёт вверх и прочь от шалаша со связанным человеком. – Ну конечно, это шёлк... а чему я, интересно, удивляюсь?»

Тут она окончательно очнулась и увидела, что сквозь занавески в комнату сочится серый рассвет. На часах половина четвёртого, ещё можно спать да спать. Только лучше повернуться на другой бок, чтобы непонятный, тревожный сон не вернулся.

Глава 5. Прогноз погоды

Не совсем понимаю, почему многие называют судьбу индейкою, а не какою-либо другою, более на судьбу похожую птицею?

Из сочинений Козьмы Пруткова

До нас, в изложении различных древних авторов, дошли 5 различных версий, отличающихся друг от друга полнотой и ясностью изложения, но безусловно сходных в своей основе.

Д. Раевский. Модель мира скифской культуры

Катька в позе лотоса, манускрипт, странный сон – все это было в понедельник. Во вторник начался дождь. В среду утром Лиска стояла посреди мокрой, как губка, поляны и горько сожалела, что не осталась в городе. Пласты серых туч обложили небо и сеяли мелкий, пакостный дождик. Даже и не дождик вовсе, а так – кисель какой-то. Водяные пузырьки бес-

толково пляшут в воздухе, силуэты палаток сквозь их толкотню кажутся размытыми, будто на влажной акварели. Холодно и неудобно.

– И зачем меня сюда занесло?

– Эгей, давай к нам!

Из кухонной палатки махала Катька, мокрые волосы копной, нос в саже. Подруге, как всегда, повезло. Дежурить у плиты в жаркий день – чистая каторга, зато сегодня в кухне уютнее всего, тепло и даже почти сухо. Вдобавок Катьке есть чем заняться. Остальные забились в палатки и маются от безделья. Пытаются спать, но получается плохо, все давно выспались до пузырей под глазами. Погода испортилась сразу: не успели Катька с Лиской высадиться на крохотной пристани, больше похожей на плавучую избушку, как закапал дождик. Он мгновенно набрал силу, загудел, как приближающаяся электричка, так что в двух шагах ничего стало не разглядеть, и теперь Лиска совершенно не представляла, как выглядит этот самый раскоп. Хотя, по словам Катьки, по дороге с пристани они через него проходили.

Лиска осторожно шагнула в траву и моментально промокла до пояса. В кроссовках захлюпало. Сразу захотелось разуться, но Лиска не решилась – ступни у неё нежные, городские, а тут торчат всякие стебли, шишки валяются. Она старалась раздвигать траву руками, но помогало плохо, зато куртка промокла до плеч. По коленкам колотили твёрдые головки каких-то цветков, похожие на коричневые кулачки. Лиска не знала, как они называются. Лагерь разместился на поляне, с трёх сторон окружённой сосновым лесом, и растительность здесь была совсем не луговая, странная. Жилые палатки прятались в тени сосен. Наверное, их поставили так нарочно, чтоб меньше раскалялись в жару, зато теперь на их крыши капало с удвоенной силой – едва стихал дождь, оживал ветер и стряхивал с веток целые пригоршни воды. Двухместка, в которой обитали Катька и Лиска, к утру не выдержала и дала течь – пришлось посередине постели поставить пару мисок.

И все-таки, несмотря на дождь, лагерь Лиске нравился. Он выглядел и впрямь романтично. Полуколосьем яркие палатки, а посередине, как наседки перед цыплятами, две здоровенные половецкие юрты из брезента. Катька объяснила, что это армейские палатки. Одна складская, другая – кухня. В складской палатке хранится все «достояние республики» – ящики с тушёнкой и макаронами, а на другой половине, которую называют почему-то «камералкой», – археологические находки, топографические планы, лопаты и нивелир. Сейчас в камералке горел подвешенный к верхней опоре фонарь – наверное, профессор с помощниками, пользуясь скверной погодой, разбирают образцы. Помощников, здесь их зовут мэнэ-эсы (младшие научные сотрудники), было двое – загорелый, сложенный как атлет, пятикурсник Игорь и похожая на строгую мышь в очках аспирантка Маргарита, которую все в лагере звали просто Марго. «Простенько и со вкусом. Не хватает только королевского титула», – заметила по этому поводу Катька, и Лиска подумала, что подруге Марго не слишком нравится.

Пробираясь мимо склада, она глянула в щель полога – ну так и есть, на сдвинутых ящиках разложены какие-то схемы, Марго надписывает и завёртывает в бумажки глиняные черепки. Полог дёрнулся, едва не зацепив Лиску по носу – ветер стал сильнее, а дождик явно решил превратиться в ливень. Лиска быстрее юркнула в кухню.

– Добралась наконец, улитка несчастная! У меня чайник уже перекипел. Иди, сейчас кофейку шархнем! – позвала Катька. Она расставляла на кухонном столе кружки.

– Раз уж приходится пахать за повара, надо извлечь из этого максимум пользы. Словом, если у тебя есть лимон – сделай из него лимонад, велит Карнеги. Вася, бросай своё грязное дело, все равно без толку!

Щурясь сквозь дым, Лиска разглядела на полу очень грязного долговязого парня. Стоя на коленках у низенькой самодельной плиты, он пытался залепить глиной трещины между кирпичами. Руки у него по локоть блестели, как полированные, на лбу, щеках и футболке

красовались нашлапки глины, но никакого другого результата его действий не просматривалось. Зловредная печка «тянуть» не хотела, половина дыма, вместо того чтобы уходить наружу через самоварную трубу, сочилась сквозь щелястые бока в кухню.

– Ничего, вечером я её как следует замажу, – заверил Вася и шмыгнул испачканным носом, – надо только глины получше наковырять, в этой песку много.

– А я говорю, эта система работать не будет! Вчера тоже мазали, а толку? Халтурщики строили! – крикнула Катька.

– Не, это она от дождя отсырела. Раньше–то нормально работала, – возразил Вася и с сомнением посмотрел на руки: – Наверное, помыться надо бы?

– А ты сунь их под дождь, – посоветовала Лиска. Вася ей понравился, он был забавный, как плюшевый пёс Филя из детской передачи. Только Вася ещё вдобавок и рыжий. Такую аварию на голове Лиска видела лишь однажды, когда двоюродная сестра Зоя, обожавшая экспериментировать с причёской, покрасилась в цвет «ультра». Но чтобы волосы от природы были настолько потрясающего оттенка? Это впечатляло...

– Чего, думаешь, он так старается? – спросила Катька, глядя, как Вася пытается размазать на ладонях присохшую глину, не вылезая под дождь. Потом махнул рукой и вылез из палатки.

– Знает кошка, чью колбасу спёрла, – не унималась Катька, – они с Ботаником сами же эту печь и складывали. А Пит, который на самом деле Петя Курочкин, держал под правильным углом трубу и давал умные советы! У него родственник камины на заказ делает.

– Какую трубу? – не поняла Лиска.

– Да эту вот, самоварную. Они её выклянчили в деревне у какого–то деда и кричали, что тяга будет отличная! Пит громче всех разорялся. А щели заделывать не идёт, хитрый. Эй, мастер, хорош грязь размазывать, кофе стынет!

Мокрый Вася пролез в кухню, обтирая руки о джинсы, сел на ящик и улыбнулся Лиске:

– Ты её не слушай, мы не совсем уж такие пропащие. И трубу нам пасечник сам подавил, он в другую область уезжал, ну и отдал, не тащить же с собой. Он нас ещё и мёдом угостил, ты мёд любишь?

– Если не засахаренный, то да. А что, у вас ещё осталось?

– А то. Специально сразу все не съели, оставили для торжественных случаев.

Вася вытащил откуда–то из–под ящиков трехлитровую банку, на её дне виднелись жёлтые наплывы, и попытался выскрести их длинной ложкой.

Лиска в сомнении смотрела на его усилия.

– Может, не надо?

– Да тут ещё много. Во, целое блюдце получилось! Пробуй.

– М–м–м... вкусно. Жалко, что мало.

– Ага. Обидно, только с хорошим дедусей познакомились, а он сразу и съехал. Столько всего рассказывал, я всю тетрадку за ним исписала, – подхватила Катька. – Мы ведь тут не только в земле ковыряемся, у нас ещё этнографические исследования! Представляешь? В Ферапонтовке бабку нашли, вообще ровесница прошлого века! Все, что до революции было, называет «мирным временем»! Светка с Натальей потом три дня нос задирали, мол, мы всех круче, но только наш дедушка их бабусе сто очков вперёд даст!

– Да ладно тебе, какая разница, кто кого опросил. Мы же все вместе работаем, в одной экспедиции, – сказал Вася, – все данные интересны.

– Это ты говоришь, потому что с Маргаритой связываться не хочешь! – вскипела Катька. – Между прочим, МВ моими записями сразу заинтересовался, даже сказал, что над ними стоит поразмыслить. А Марго влезла, везде ей надо свой очкастый нос сунуть. Говорит, ах–ах, профессор, не загружайте себя дополнительной работой, вы и так переутомляетесь,

это обычный местный фольклор. Пусть девочка сперва оформит результаты как следует! – передразнила Катька и сшибла со стола сахарницу. – Кудахчет, как клуха!

– А что там за фольклор был? Анекдоты?

Катька гневно фыркнула и полезла собирать сахар. Вместо неё ответил Вася:

– Очередной вариант местного предания, подобный в Ферапонтовке записали. Про колдуна, который в лесу похоронен. А ещё потом Федя–пастух рассказывал, он из Бобрецов, сюжет один в один. Такая доморощенная страшилка, довольно примитивная, её тут все знают.

– А дедуся не примитивно рассказывал! С такими деталями, что ого–го! – крикнула из–под стола Катька. – Да ты, Лис, ведь слышала вчера, мне профессор сам велел её побыстрее оформить! Значит, это правда важно. А Марго – вредина. Я знаю, почему она так взъелась.

– Ну и почему? – пожал плечами Вася.

– Из ревности! – объявила Катька. – Да–да, и нечего на меня тарашиться. Она же хочет показать, что она самая–самая, первая МВ помощница, верная соратница и фольклор лучше всех собирает. Светка мне рассказала, как они с Марго какую–то бабку раскручивали. Говорят, эта бабка – кладёзь информации, весь здешний фольклор наизусть знает. Маргошка сперва к ней Светку с Натахой запустила, у них, мол, хорошо в контакт входить получается.

Катька выбралась из–под стола и бухнула на стол банку. Сахар приобрёл слегка загорелый оттенок, и его стало заметно больше.

– Короче, старуха их чуть клюкой не пришибла! Злая оказалась, прям Баба–яга.

– И чего? – с тревогой спросила Лиска. Неужели её тоже пошлют собирать этот самый фольклор? Лиска и без того терпеть не могла знакомиться с посторонними, а тут ещё и клюкой рискуешь получить.

– А ничего. Марго девчонкам велела в теньке сидеть, а сама двинула с бабкой разбираться. Только ничего у ней не вышло, вот как! Послала её бабка по тому же адресу. Конечно, это Марго не по губе, а тут мы со своим разговорчивым дедом, как соль на рану!

Все помолчали, то ли из сочувствия к Марго, то ли по какой–то другой причине, только равнодушный дождь сильнее зашумел по крыше.

– А что за предание–то? Объясните подробно, а то одни разговоры – колдун, могила... Он что, правда тут где–то похоронен? – нарушила молчание Лиска.

– Судя по всему, речь идёт о языческом жреце, вернее о волхве, – начал объяснять Вася. – Видишь ли, в здешних местах культ звериного бога Велеса продержался долго, даже христианство его не вытеснило. В Ростове вообще половина города языческой была, Велесов конец называлась. Князь Ярослав (который Мудрый) церкви строил, но и капища не сносил.

– Да ты толком расскажи, чего мямлишь! – возмутилась Катька. – Жрецы какие–то, Велесы, она же не юный археолог во всей этой ерунде разбираться! Просто надо говорить, чтоб интересно было! Давным–давно, ещё до татарского нашествия, тут жил колдун. Люди его боялись, потому что он мог перекидываться в диких зверей, и все животные его слушались. На Волгу кидал свой плащ и на нем стоял запросто, не тонул. Жутко могучий, словом. Ему должны были приносить коров разных, барашков, а он за это гарантировал хорошую погоду и всякую удачу.

– Типичный жрец, я же говорю. Обычай жертвоприношений у славян... – начал Вася, но Катя изо всех сил треснула банкой по столу.

– Да что же это такое? Кто рассказывает, ты или я? И вообще... кто–то трубу не домазал! Иди вон, если скучно, поработай или не мешай!

Она свирепо уставилась на Васю, который сразу стал ещё больше похож на мультяшного Филю. Лиска поспешно спросила:

– А дальше–то что?

– Короче, этого колдуна никто не трогал, он процветал, ну и в итоге зарвался. – Катька последний раз испепелила Васю взглядом и продолжала, моментально увлекаясь: – Начал требовать человеческих жертв! Прикинь, до чего обнаглел – захотел убить то ли сестру, то ли дочку вождя!

– Кузнеца! – буркнул Вася.

– Ну да, кузнеца, я перепутала. Да какая, в сущности, разница! И люди его за это убили. Кузнец оказался тоже не промах, ударил колдуна молотом... Короче, колдуна одолели, сожгли и зарыли в лесу, а сверху камнем придавили, чтобы обратно не вылез.

– И вы этот камень видели?

– Да нет, – Катька сбавила тон, – это же легенда, как ты не понимаешь? Никакого камня наверняка нет.

– Камень есть, – вдруг возразил Вася. – Речь идёт о настоящем языческом жертвеннике. Если здесь сохранились остатки городища, даже курганная группа есть, то почему не быть старому капищу? Наверняка следы насыпи остались, в том ельнике ниже по течению, на мысу. Потому и местные туда не ходят. Вроде древнего табу, понимаешь? А легенду про зарытого колдуна сочинили позже, когда настоящая причина забылась.

– Ха! Чего же ты его не найдёшь, если такой умный? – возмутилась Катька.

– Я собираюсь, – спокойно сказал Вася, – просто это надо в выходной идти, чтоб в лагере вечером не хватились. Между прочим, профессор туда точно ходил, я слышал, как он Игорю рассказывал. Есть там камень. Мы с Лешкой думали в понедельник пойти, но нас Маргарита поймала. Стала шуметь, что мы лодыри, девочки все уработались, а мы злостно уклоняемся, и послала нас керамику мыть...

– Интересно, это кто же из девочек уработался? Небось, опять Светик с Наташенькой? – фыркнула Катька. – И где, интересно, они так сильно перетрудились, лёжа на пляже?

– Откуда я знаю? Вроде Наташка мозоль натёрла.

– Ага, на языке. – Катька повернулась к Лиске: – Эта Наташка у Марго в любимчиках, бегаёт за ней, как пришитая, все ей докладывает. Наверняка она Марго и настучала, что ребята из лагеря слинять собрались.

– Да ладно тебе. В другой раз сходим, подумаешь. Кстати, я у профессора сегодня спрашивал насчёт капища, он считает, что это вполне реально. Так что все будет законно, профессор не против, чтоб мы посмотрели насыпь.

Катька сверкнула глазами:

– Круто! Вот бы нам раскопать эту могилу! Наверняка в ней чего-нибудь интересное, не то что на городище, одни горшки битые! Только копать надо перед самым отъездом. А то с местными проблемы могут начаться, потому что на могиле ж проклятие! Быстренько разроем и свалим в город. Вась, ну скажи, я права?

– Говорят тебе, это жертвенник. Нет там могилы!

– Ага! – подхватила Катька. – Ты лучше местных знаешь. А чего ж тогда пчеловод уехал, по-твоему? Он ещё сказал: у него пчелы болеют, когда ветер с той стороны дует. «Неправильные пчелы сразу делают неправильный мёд»! Он поэтому и переехал, что ему надоело.

Лиска, облизавшая последнюю ложку, поперхнулась.

– Да ты не думай, мёд отличный, – успокоил её Вася, – мы все ели, Ботаник один вообще чуть не полбанки стрескал и до сих пор не погиб. Даже Ваксе давали – и то ничего, а она ведь собака. Мало ли из-за чего пчелы заболели. Я передачу смотрел: у пчёл свои инфекции бывают, как у людей.

– Ага, типа эпидемия гриппа в улье? – выпалила Катька.

Вася виновато улыбнулся Лиске:

– Он немного странный был, дедуся. Но приветливый, пчёл совсем не боялся – они ему прямо на руки садились. Говорят, пчелы хорошего человека чувствуют. А соседку прямо при нас покусали, бабка в калитку сунулась, а они как загудят!

В этот момент сзади раздалось страшное шипенье. С воплем «Стой, гадюка! Авария!» Катька вскочила. Из закипевшего котла на раскалённую плиту выплеснулось варево, кухня мгновенно наполнилась горелым паром. Катька заметалась, пытаясь затолкать пену обратно половником, но котёл в ответ изрыгал новые, ещё более густые каскады.

– Да помоги же! Чего стоишь? – заорала Катька на Лиску. – Рукавицу возьми!

Лиска растерялась, ей никогда не приходилось иметь дело с таким количеством пены, но Вася храбро схватил котёл голыми руками и рывком перебросил на край плиты.

Шипение стихло.

– Да, – сказала Катька, – и после этого будут мне говорить, что повара в ресторанах много получают? Проклятые макароны! Вась, ты как там, жив? Ты камикадзе, ты знаешь это? Полотенцем бы прихватил, что ли!

– Надо скорее помазать. – Лиска потянула Васю за рукав из палатки. – У меня хорошая мазь есть. Пойдём, а то волдыри на ладошках вскочат.

– Быстрее возвращайтесь, я тут одна с этими макаронами не останусь! Вот увидите, они в итоге ещё и слипнутся! – предупредила вдогонку Катька.

После кухонной гари дождевой воздух показался сладким. Лиска глубоко вдохнула. Ей вдруг показалось, что все будет замечательно, совсем не зря она послушалась Катьку и приехала сюда. Откуда ей было знать, ЧТО уже готово обрушиться на мирную экспедицию...

– У нас здесь интересно. Вот погоди, погода наладится, сама увидишь. Я в прошлом году в Ростов на раскопки съездил – и все, «заболел» археологией.

Вася подставил обожжённые ладони. Лиска размазала вонючую мазь и хотела замотать сверху бинтом. Вася с сомнением сказал:

– Зря, наверное, все равно после обеда посуду мыть.

– Лучше не стоит. До завтра с повязкой походишь, и все будет нормально, а то волдырь вздуется и кожа облезет. Я за тебя вымою.

– Спасибо! – обрадовался Вася. – Тогда я в твоё дежурство отработаю. Идёт? Вот и договорились. Ну, я обратно побежал – надо Катю от макарон спасать!

Лиска задумчиво убрала аптечку в рюкзак, выплеснула из мисок натёкшую дождевую воду. У неё было смутное ощущение человека, который случайно заглянул в чужую квартиру и понял, что она ему уже знакома. *Déjà vu*, как говорят французы. Но откуда это ощущение появилось, Лиска так и не поняла. Устав ломать голову, она плюхнулась на спальник и решила почитать. Только не «Этнографию славян», хватит с неё вчерашней попытки. И так после всю ночь какая-то чушь этнографическая мерещилась. Недолго думая Лиска извлекла из-под подушки подружки растрёпанный томик Донцовой и с головой ухнула в мир преступных страстей вместе с Вилкой Таракановой.

– Куда это, интересно, перец подевался? – возмущалась Катька, шуруя в коробке с приправами. Разноперые бумажные пакетики разлетались во все стороны, но нужный никак не попадался. – Я дома нарочно в поваренной книге смотрела – в суп надо кидать пряности. Ого, вот ванилин! Может, его бросить?

– Дай понюхать. Не, лучше не стоит, – отсоветовал Вася. – Да вот же перец стоит, в баночке!

– Так это же красный, в книге сказано: чёрный надо! А впрочем – давай! Перцем кашу, в смысле суп, не испортишь.

Она потрясла банкой над котлом и слегка надвинула крышку.

– Финиш! До обеда как раз настоится. Слушай, Вась, ты довари компот, ладно? А я напишу немного. Надо МВ порадовать.

Отпихнув в сторону кружки, Катька выложила на стол пачку листов, расставила локти пошире и задумалась.

– Как бы это лучше изложить? «Вариант фольклорного предания, записан 10 июня в деревне Чёрная Грива Трефиловского района со слов пасечника Н. П. Стожинова...» Ага...

Она начала писать ровным почерком, чередуя красную и чёрную ручки. Компот давно закипел, но Вася, поглядев на выражение Катиного лица, не решился просить у неё консультации. На всякий случай он то подсыпал сахар, то подливал воду и походил на нерадивого подмастерья старушки Гингеми, у которого не ладится с варкой колдовского зелья. Кухню заволокли клубы сладкого пара. Катька подняла взлохмаченную голову и принялась:

– С ума сойти можно!

Вася вытер со лба пот и счастливо улыбнулся.

– Ты только послушай, как классно получилось, – рассеянно продолжала Катька. – «Никто не знал, сколько колдуну лет, он поселился в этих краях, когда ещё прадеды здешних жителей были детьми. Он давно должен был умереть... Но колдун был хитёр и раз в три года отдавал Смерти вместо себя кого-то другого. Обычно это бывали пленники или просто случайные прохожие, чужие люди. Но однажды...» Ух, прямо саму дрожь пробирает!

– погоди, я не понял. Это ты сама придумала?

– Да нет же! Вот бестолочь! Нам пасечник рассказал. А зачем, ты думаешь, МВ велел мне все отдельно записать? Потому что в других вариантах этих подробностей нет. И не говори мне про Светку с Натальей, а то кастрюлей стукну! Налей лучше компотику, у меня от писанины в горле дерёт.

– Это не от писанины, а от перца. Похоже, в супе его чересчур много, – объяснил Вася и поспешно добавил: – Ты не расстраивайся, в такую погоду даже полезно – все микробы передохнут, и простуды не будет.

Шелест дождя мешался с треском эфира. Волны помех выплёскивались из пустоты, временами совсем заглушая далёкий голос диктора. Передавали прогноз погоды на завтра: атмосферный фронт отодвигался к западу, суля перемену давления и повышение температуры. Но главное – будет сухо. Это именно то, что нужно. Довольно оттягивать, первый шаг следовало совершить ещё вчера, нет, ещё два дня назад, все было готово для свершения ритуала. Не хватило единственного – решимости. Во все время пути к задуманной цели она была, решимость, её с лихвой хватило бы на пятерых, именно она помогала терпеть и ждать, и пропала – в самый ответственный час. Чушь и бред!

Но завтра непременно... что это, неужели опять обещают дождь? Ничего не слышно! Правая рука Магистра нервно крутила колёсико настройки, левая машинально потирала желудок. Проклятые дети, как же они утомили со своими кулинарными упражнениями, с вечно пригоревшими макаронами! Но сегодняшний экзерсис превзошёл все предыдущие! Ухнуть в рассольник столько перца... Проглотить больше двух ложек оказалось просто невозможно, но и этих двух хватило с лихвой. Затяжной приступ изжоги был практически гарантирован.

И все сегодня неладно, все наперекосяк, и приёмник, того и гляди, совсем сдохнет, а как тогда выбрать верное время? Хотя на прогнозы метеорологов тоже не стоит сильно полагаться. Здешняя погода вполне способна отколоть сюрприз и спутать середину лета с поздней осенью, и тогда... Дождь и холод – ерунда, не помеха, но ведь в документе сказано,

что нужно чистое небо! В памяти намертво отпечатались начертанная древней вязью строка, почерк кривой и неровный, очертания букв едва разберёшь. Видно, что писавший волновался или сильно спешил. Интересно, догадывался он, что его записи спустя сотни лет будут использованы вместо инструкции? Вряд ли. Судя по всему, Абд Фарадж верил во всяческие добродетели и был законченным идеалистом. Смешно сказать – идеализм в X веке! Что ни говори, а люди тогда были куда примитивнее, иначе кто-нибудь наверняка смекнул бы, как пустить рукопись в дело. Хотя... умные люди во все времена попадались нечасто.

Треск в эфире неожиданно стих, голос диктора громко и чётко обещал на завтра переменную облачность без осадков, следом зазвучала музыка. Французский шансон.

Немного терпкий, слегка сентиментальный... Губы Магистра тронула задумчивая улыбка. Итак, это произойдёт завтра. Забавно, как удачно все складывается... даже изжога, кажется, проходит.

Кстати, надо успеть сделать ещё одно приготовление. Нужна курица, и хорошо бы не белая. Цвет пера нигде не оговорён, но, как говорил какой-то кретин в анекдоте для кретиннов, «лучше перебдеть, чем недобдеть».

Глава 6. Из-за острова на стрежень

Во всех частях земного шара имеются свои, даже иногда очень любопытные, другие части.

Из сочинений Козьмы Пруtkова

В методике полевых археологических исследований принята сеточная разметка раскопа на квадраты для облегчения фиксации находок и других признаков. Квадраты могут отделяться друг от друга бровками.

Д. Авдусин. Основы археологии

Лиска чихнула и от этого проснулась. В первый момент она ничего не поняла – что за странное местечко? Вместо потолка квартиры – брезентовый свод в солнечных пятнах, на скомканных спальниках в беспорядке раскиданы футболки, носки и тюбики с косметикой, рядом наполовину выпотрошенный рюкзак. Лиска резко села. Ну конечно, она же теперь в

экспедиции, на настоящих раскопках. Интересно, где Катька? Судя по следам бушевавшего в палатке тайфуна, подруга что-то срочно искала в рюкзаке. Лиска подползла к выходу, высунула наружу нос и зажмурилась от брызнувшего в глаза света. Поляна сверкала и дымилась в широких лучах солнца, впереди, в струях горячего воздуха, за сизым распахнутым горизонтом, угадывалась река. Лиска взвизгнула и бросилась на поиск купальника. Спустя три минуты в палатке стало вдвое больше беспорядка, а Лиска, приплясывая на холодной росе, мчалась к реке. Утоптанная тропинка оборвалась вниз с обрыва. Лиска скатилась на узенький пляж и ахнула. От пальцев ног начиналась сплошная синева в молочных отблесках солнца, она двигалась, шаталась и, непонятно как, перетекала в бледное небо.

Лиска поплыла, ей казалось, что она угодила в центр синей сферы и запросто может в ней затеряться, пространство внезапно сделалось однородным, утратив понятия низа и верха. Взгляд упёрся в какой-то тёмный предмет, нарушавший гармонию сфер где-то на расстоянии пары световых лет. Лиска стала выгребать в его сторону, и предмет вдруг обернулся растрёпанной чёрной головой.

– Катька! Вот я тебя догоню! Чего меня купаться не позвала?

– Тебя разбудишь, соня! Сама говорила, что ты сова!

– Это я в городе сова! А тут, оказывается, жаворонок.

Лиска догнала Катьку, и подружки поплыли дальше вместе, норовя обогнать друг дружку.

– Кать, я берег потеряла, – смеясь, крикнула Лиска, – все кругом синее! Давай поплывём до моря!

– Давай! – Катька выплонула случайную волну и сменила направление. – А ты, оказывается, хорошо плаваешь. Здорово, будем по утрам вместе заплывы делать. А то наши девчонки только у берега дрызгаться любят. А парней вечно соревноваться тянет, до бакена и обратно, кто первый. Больные на чемпионаты.

– Бакен? – Лиска закрутила головой, но все вокруг плыло и колебалось, никаких бакенов видно не было. Зато неожиданно близко показался лесистый мыс, неведомо как выдвинувшийся на середину реки. Из-за мыса медленно выползало низкое судно.

– Баржа, – сказала Катька. – Чего-то нас сильно сносит, раньше так не было. Гребём обратно, а то уж лагеря не видно.

Лиска послушалась, она уже немного устала, и ей захотелось на берег. Минут десять подружки старательно пыхтели, но все напрасно. Тихая река на поверку оказалась стремительной и могучей. Поросший соснами берег, где затерялись палатки лагеря, превратился в щетинистую полосу на горизонте, зато тёмный мыс оказался совсем близко. Рядом запыхтело, зафыркало, крутые волны, как на качелях, зашатали реку. В пугающей близости от девчонок проходила баржа. Зазевавшуюся Лиску накрыло с головой, она судорожно вынырнула, отплюнула воду. Рядом молотила по воде Катька, вид у неё был неважный.

– Кать, нам не выгрести. Давай прямо к мысу, дойдём пешком, – пропыхтела Лиска, подскакивая на волне поплаватком.

– Ты чего, с дуба рухнула? Это же тот самый мыс!

– Который?

– Ну тот, с могилой! Вчера Вася рассказывал! Забыла, что ли?

– А, про колдуна? – догадалась Лиска. – Но это же сказка, разве нет? Вася же сказал, там просто капище.

– Ага, слушай его больше! Чего-то местные туда не ходят, такие все робкие! Люди не ходят, а мы вылезем, как две вороны, голые!

– А чего ж делать? Плыть, пока мимо не пронесёт?

Они разом посмотрели на мыс, его косматая туша закрыла собой реку до половины. Конечно, это только кажется, но мыс все равно очень большой, а сил осталось совсем

немного. Лиска почувствовала в ноге знакомое тянущее чувство. Такое бывало, когда она сильно уставала на физкультуре.

– Кать, у меня, кажется, сейчас судорога будет.

– Держись! – Катька подгребла ближе и попыталась подставить плечо. – До берега дотянешь?

– Попробую.

Плечи отяжелели, Лиске казалось, что она больше не может шевелить руками. Сил оставалось ровно столько, чтобы держаться на воде. Рядом барахталась бледная Катька. К счастью, течение в этом месте делало крутую дугу и подходило к мысу почти вплотную. Последняя, отражённая дальним берегом волна от баржи приподняла девчонок, резко толкнула вперёд и выбросила на узкую полоску пляжа.

Лиска сразу плюхнулась на песок и принялась растирать ногу. Минут через пять ступню закололо иголками, скрюченные пальцы потеплели и распрямились. Лиска перевела дух. Волны тихонько чмокали о песок и снова казались ласковыми и безопасными, словно и не они только что норовили захлестнуть пловущих с головой.

– Не туда смотришь, – заметила Катька. Она уже встала и теперь мрачно разглядывала стоящий на откосе лес. Он выглядел странно: зеленоватые гладкие стволы, похожие на брюхо водяного, торчали вкривь и вкось, словно пьяные. Выше по склону, над грудями тусклой, с холодным отблеском листвы, чернели ёлки. Солнечный свет, заливающий реку, дробился и отступал, не проникая в гущу спутанных веток, где в тёмных провалах угадывались заросли свирепой крапивы и ковры паутины. Лиска поёжилась, сообразив, каково пробираться по такой чаще в одних купальниках.

– Как думаешь, до лагеря далеко?

Катька пожала плечами:

– Если берегом, небось не дольше, чем плыли. Как твоя нога, прошла?

Лиска с сомнением притопнула. Как ни странно, нога была в полном порядке.

– Тогда идём, а то, не дай бог, заметят, что нас нет. Хорошо ещё, никто не видел, как мы поплыли, а то скандал гарантирован. Могут и из лагеря вышибить.

Но далеко уйти не получилось. Метров через двадцать песчаный пляж перегородила съехавшая с откоса глыба земли. Кое-как перебравшись через баррикаду переломанных веток и корней, подружки обнаружили, что пляж кончился. Берег обрывался в воду почти отвесно, пробраться по откосу не было никакой возможности. Катька и Лиска растерянно смотрели друг на друга. Выхода не было, приходилось лезть в чащу.

Они, как по лестнице, поползли по ветвям толстого дерева, лежащего на откосе макушкой вниз. Дерево, наверное, было очень старое, гладкую кору покрывали трещины и шершавые разводы лишайников, а вывороченные корни, похожие на растопыренную хищную лапу, торчали на самом краю обрыва. Катька с Лиской добрались до выворотня и, пригнувшись, нырнули в густой ельник. Сразу запахло сыростью и поганками, хотя ничего похожего на грибы видно не было. На буром ковре хвои лежали целые россыпи шишек, кое-где между ними торчали зеленые трилистники кислицы. Ступать по шишкам было ужасно неудобно, девчонки ойкали и поджимали ноги. Между стволами болталась старая паутина, и, чтобы пройти, приходилось отодвигать её руками, как занавески. Хорошо ещё, нижние ветки ёлок давно засохли и обломились, так что можно было особо не пригибаться. Они старались не удаляться от обрыва, заблудиться в таком лесу казалось парой пустяков, но скоро выяснилось, что ельник смыкается гуще и чаще и словно не пропускает к реке. Они постепенно отклонялись в сторону. В лесном мраке было сыро и холодно, но Лиске было жарко. Она все сильнее волновалась и ругала себя – вот опоздают они в лагерь, и что тогда? Профессор разозлится, она же обещала соблюдать дисциплину и все такое, а что вышло. Да ещё

и Катьку втянула. «И зачем только я предложила плыть до самого моря? Дура, географию надо было лучше учить!» – ругала себя Лиска.

– Эй, очнись! У меня глюки или как? – внезапно спросила Катька, ткнув пальцем в землю. Лиска взглянула – этого не могло быть, и все-таки было, они стояли на тропинке. Кто протоптал её в этой чаще, лучше было не задумываться. Наверняка это были не люди. Что, если кабаны? Лиска вздрогнула. Кабанов она ужасно боялась.

– Даже если кабаны, нам-то что? – возразила храбрая Катька. У неё имелась в деревне родная бабушка, у которой каждый год воспитывался очередной поросёнок Борька. Поэтому Катька свиней не особо боялась, считала за своих, пускай даже и диких.

Она первой пошла по тропке, Лиска следом. Тропа забиралась в самую чащу, но в то же время слегка отклонялась вправо, так что направление они примерно выдерживали. Наконец впереди начало светлеть, сквозь косматый лапник мелькнуло что-то похожее на просвет. Забыв о тропе, подруги бросились вперёд, раздвинули ветки и замерли. Перед ними открылась круглая, как по циркулю очерченная, прогалина. Мрачные ёлки высотой едва не с пятиэтажный дом обступили её тесным частоколом. В центре прогалины поднимался травяной холм с плоской макушкой, увенчанной серым камнем.

– Могила, – шёпотом ахнула Лиска. Она как-то сразу поняла, что Васина версия насчёт простой насыпи не проходит. Мало того, неизвестно почему у неё возникло чувство, что она уже где-то видела похожее место. Но где и когда? Нет, ничего не вспоминается.

Катька тряхнула кудрявой головой. Она собиралась сказать что-то бодрое и нахальное, вроде того, что могил бояться только первоклассники и вообще неизвестно, чья это могила. Может, того же кабана зарезали и закопали, мало ли чего древним могло в голову стукнуть. А что камень сверху взгромоздили, так он небось тут с ледникового периода остался. Но ничего сказать Катька не успела. Камень наверху шевельнулся и раскололся надвое. Нижняя, плоская, часть осталась лежать, зато верхняя поднялась и превратилась в тёмную фигуру в балахоне. Голова в капюшоне повернулась. В тот же миг девчонки отпрянули в чащу и откатились к корням матёрой, наверное, лет триста простоявшей ёлки. Они боялись дышать, и посмотреть тоже боялись. Было так тихо, что Лиска слышала суматошное биение крови в висках. Спустя несколько минут что-то лязгнуло, кто-то прошёл совсем рядом с ёлкой, зашуршали ветки. Потом все стихло. Девочки на четвереньках вылезли из-под ели, уставились друг на друга.

– Кто это был? – шёпотом спросила Катька.

– Колдун, – губы не слушались Лиски, их словно прихватило инеем, – это он... слуга Велеса...

Катька фыркнула:

– Какой слуга? Какой Велес? Ты что, на ночь этнографии перечитала? Раскрой глаза! Это, по-твоему, что?

– Что?

– Да сигареты! Покойники не курят, ясно?

Лиска потрясла головой, стиснувшая сердце ледяная хватка отпустила.

Действительно, на земле лежала пустая пачка Winston. Лиска осторожно подняла её.

– А сигареты-то дорогие. Я думала, деревенские чего попроще курят.

– Да брось эту гадость! – К Катьке уже снова вернулось хорошее настроение. – Наверняка какой-нибудь кекс из дачников городских. Типа грибы собирает или ещё чего. Вон тут он пошёл, наверняка на выход. Ну точно, тропинка есть!

– А чего ж он тогда на камне делал? – спросила Лиска.

– Ну мало ли чего, прилёг человек отдохнуть, закурить, на солнышке погреться, – пожала плечами Катька. – Зря мы его испугались. Он сам бы от нас драпанул: прикинь, чаща, глушь, и вдруг две голые девицы вылазят. Небось решил бы, что русалки!

– А почему тогда он в балахоне?

– Ну... с чего ты решила, что это балахон? Может, просто дождевик с капюшоном, знаешь, грибники их носят.

Лиска посмотрела на холм. Не такой уж и высокий, может, и впрямь никакая не могила? Зато с верхушки наверняка видно небо. Лиска вдруг поняла, что ей срочно необходимо увидеть небо, хватит с неё этой кошмарной паутинистой чащи, этих фигур в капюшонах. И почти не отдавая себе отчёта, что говорит, Лиска предложила:

– Слушай, Кать, а давай наверх залезем?

– Наверх? – Катька заколебалась лишь на секунду. – А впрочем... А давай! А полезли!

И выбежала на прогалину первая. Она терпеть не могла, когда кто-то оказывался храбрее и предприимчивее её. Пожав плечами, Лиска начала карабкаться по травяному склону вслед за подругой. Трава была влажной и пачкала колени и руки, земля под ней неприятно холодила ладони, она почему-то совсем не прогрелась. Под конец Лиска пожалела, что затеяла этот подъем. Они вылезли на холм и увидели плоский серый камень с ямкой в центре, похожей на выдолбленную круглую чашу.

– Ну и чего мы лезли? – спросила Катька недовольным голосом. – Наверное, раньше отсюда далеко видно было, а сейчас ёлки мешают. Какие-то они чересчур здоровенные.

Верхние лапы ёлок качались примерно на уровне глаз, хотелось подпрыгнуть, чтоб все-таки увидеть горизонт. Подруги разочарованно озирались, и тут Катьку осенило.

– Ага, знаю! – Она вскочила на камень в том месте, где ободок каменной чаши слегка выпирал вверх, и попыталась подпрыгнуть.

– Нет, все равно не видать. Одни ёлки.

– Кать, слезай. Не надо так делать, – попросила Лиска, чувствуя непонятное беспокойство. Она почему-то не могла отвести глаз от загорелых Катькиных ступней, танцующих на камне. – Кать, осторожно! Ну я же говорила!

Катька ойкнула, оскользнувшись на краю впадины, замахала руками.

– Ну вот, ободралась до крови. Чего под руку говоришь? – Катька гибко изогнулась и попыталасьлизать ссадину. Видно было, что занятия йогой даром не прошли – со второй попытки ей удалось дотянуться языком до лодыжки. Лиска машинально перевела взгляд на камень и вздрогнула – узор трещин по краю впадины показался внезапно осмысленным.

Она присела и посмотрела поближе.

– Тут что-то нацарапано. Вроде знаки!

На плоской поверхности виднелись три ряда непонятных чёрточек и галочек.

– Странно, почему мы сразу не заметили?

– Дай я гляну, – Катька просунула кудрявую голову. – Ни фиги себе! Слушай, да это же письма какие-то. Откуда взялись... Ага, поняла, они под лишайником были, вон, видишь, я ногой его содрала!

– На руны похожи, как у Толкиена, – рассуждала Катька. – Вот срисовать бы, Лешке показать. Он у нас ботаник, может, и расшифрует. Эй, ты чего?

Лиска затрясла головой. Ей вдруг показалось, будто углубление в камне быстро наполняется кровью. Лиска зажмурилась, потом посмотрела. Конечно, никакой крови нет и в помине, только серый сухой камень. Сухой? Боясь дышать, она коснулась дна чаши и быстро отдернула руку. Кончики пальцев были влажными. Испачканы? Кровью? Лиска замотала головой и с размаху села в траву. Частокол ёлок танцевал перед глазами, белый шар солнца бестолково катался по круглому блюду неба, отскакивая от еловых макушек. Она не глядела на камень, но знала, что кровь из ямки уже заливает поверхность.

– Лис, ты чего? – позвала Катька.

Неужели подруга не видит?

– Из камня течёт кровь! – пробормотала Лиска. Катька недоверчиво пожала плечами и наклонилась к ямке.

– Однако! И правда кровь, да ещё перья какие-то прилипли. Ни фиги себе, похоже тут недавно курицу резали! Недаром я, как клуха, споткнулась.

Выходит, этот тип в плаще...

– Ты думаешь, это он? – голос у Лиски дрогнул.

Храбрая Катька передёрнула плечами.

– Да запросто. Теперь такие фишки в моде, я на семинаре эзотериков видела новых язычников – обвешаются со всех сторон амулетами, костры жгут, шаманят! Психи, конечно, но вообще-то безобидные. Правда, те куриц не резали... а может, он просто хотел шашлычок сготовить?

– Шашлычок? Безобидные? – Лиску затошнило. – Ты как знаешь, а я ухажу. Если этот безобидный вернётся...

– Вот ещё, нас все-таки двое, – запротестовала Катька, но как-то не слишком уверенно. – Постой, надо бы все же знаки срисовать. Ребятам покажем. Ты пачку от сигарет бросила?

– Нет, вот она.

Катька живо распотрошила пачку и, действуя вместо пера травинкой, стала копировать надпись. За неимением чернил, травинку пришлось макать в остатки куриной крови на камне. Лиска нервничала. Катьке тоже было не по себе, но она только упрямей закусила губу. Через две минуты дело было сделано.

Подруги съехали с холма на пятой точке и немного посидели в траве, Лиска приходила в себя.

Тропинка, по которой ушёл неизвестный, со стороны поляны была совершенно незаметной, и девочки едва не пошли в другом направлении. Впрочем, Лиске было все равно, куда двигаться, лишь бы подальше от жуткого камня. Она летела по тропе, не обращая внимания на шишки и корни, а потом на мокрую грязь, внезапно захлупавшую под ногами. Тропа резко нырнула в овраг, забитый дудником и крапивой, по дну его сочилась слабая струйка воды. Лиска на бегу перескочила ручей.

– Кать, не отставай!

– А? – рассеянно откликнулась подруга. Она зачем-то медлила у ручья, вглядываясь в чашу. – Погоди, я сейчас.

И она шагнула обратно, но тут Лиска дёрнула её за руку и перетащила на свой берег.

Катька очумело потрясла головой.

– Прикинь, мне послышалось, будто нас Васька окликает! Ну это же надо, а? Конкретные глюки!

Девчонки дружно посмотрели через ручей. Тропинка исчезла, колючие стебли стояли неподвижно плотной стеной, и непонятно было, в каком месте они только что вышли.

– Слышишь, как тихо... – прошептала Лиска. – Будто под водой. Так не бывает.

В самом деле – дневной лес всегда переполнен разными звуками, ветер шумит вершинами, кто-то пищит или шебуршит в зарослях, жужжат пчелы или, на худой конец, комары. Но здесь не было слышно ничего, даже ветер не шелестел листьями накренившейся над ручьём осины. И эта неестественность пугала. Не сговариваясь, подруги поспешили прочь от воды, благо что-то похожее на тропинку вновь обозначилось под ногами.

Выбравшись из оврага, увидели, что чаша впереди делается сквозной, реденькой, уже не лес, а так, мелколесье. Тропинка вильнула вбок, но Катька, потянув носом, заявила:

– Сворачиваем. Эта тропа наверняка на дорогу выводит, знаю я этот просёлок. Не стоит лишний крюк делать. Нам по берегу лучше.

– А если опять заблудимся?

– Исключено. Слышишь – рекой пахнет? Это Волга, я знаю.

Катька говорила так уверенно, что Лиска не стала спорить. Тем более что никакой опасности в этом месте не ощущалось, угроза, если она и не померещилась, осталась на той стороне оврага.

Спустя десять минут девчонки продрались сквозь полосу колючего малинника и выпали на волжский песочек.

– Уф! – сказала Катька. – Ничего себе приключение! А ты ещё ехать не хотела, я то, я се. Я целую неделю по утрам купалась, и хоть бы куда меня унесло! Да у тебя талант влипнуть в ситуации конкретный, даже завидно!

– Иди ты! – рассердилась Лиска, пытаясь зализать глубокую царапину на запястье.

– Нет, правда. Могила колдуна видели – кое-кто локти себе обкусает, что с нами не был!

– Ты про кого?

– Да про Ваську. И Лешка наверняка обзавидуется. Какие руны мы срисовали! Правда, коряво получилось, неудобно травинкой. В следующий раз надо с ручкой плавать!

– Ну да, и с блокнотом. Только пожалуйста, второй заплыв без меня.

– Уговорила. Если он у нас будет, второй заплыв, – пробормотала Катька, внезапно становясь озабоченной. – На завтрак мы стопудово опоздали. Придётся соврать, что у нас разгрузочный день. Лишь бы успеть к раскопу, иначе нас точно хватятся.

– Дёрнули! – крикнула Катька и понеслась по пляжу, Лиска рванула следом. На бегу она успела подумать, что, в крайнем случае, можно сослаться на регулярные занятия марафонским бегом.

Лагерь археологов затихал, как пустеющий муравейник. Дежурные собирали грязную посуду со стола, за которым спешно доедал третью порцию каши Лёша Толстый. В отличие от Лёши Ботаника, на археологию Толстому было, по большому счёту, плевать, он в основном увлекался процессом поглощения пищи и меньше двух порций за раз принципиально не съедал. Ещё лучше трёх – но это уж как получалось. При этом Толстый был худ, как вешалка, и не так чтобы слишком высок. Словом, непонятно, куда в него эти порции помещались. В лицее Лёша не занимался и в экспедицию попал случайно, его бабушка была знакома с кем-то из преподавателей и попросила пристроить лоботряса внука к позитивному делу. Сплетница Светка уверяла, что родители специально спланировали Лёшу на раскопки, потому что его бурно растущий организм начал всерьёз подрывать семейный бюджет.

Мэнэс Игорь, красивый и загорелый, похожий на древнегреческого бога (впечатление нарушали самодельные шорты из обрезанных джинсов), с буссолью и планшетом в руках уже направлялся в сторону раскопа. Следом парочками брели зевающие девчонки с надувными подушками. Только не надо думать, что они собирались вздремнуть в раскопе, – подушки нужны, чтобы сидеть на них, когда вручную перебираешь землю в поисках исторических артефактов. Парни тащили лопаты.

Взмыленные Катька и Лиска выскочили на поляну в последний момент, когда в лагере уже никого не осталось, только метрах в двадцати впереди виднелась спина Лёши Толстого. Он не отлынивал потрудиться – он просто никогда не спешил.

– Ладно, зато не опоздали, – кисло заметила Катька.

– Ага. Помнишь, ты увлекалась лечебным голоданием? Вместо завтрака зарядка, на обед медитация...

– Не было такого! – заявила Катька. – То была система раздельного питания. Питания, а не голодания, а медитация тут вообще ни при чем. То было в другой раз!

Вяло препираясь, подруги шлёпали по утоптанной тропе над откосом. Ноги двигались на автомате – кроме марафонской пробежки по берегу, им ещё пришлось вплавь форсировать впадающую в Волгу речушку. Лёшу Толстого они догнали уже у самого раскопа. Несмотря на голодный стон в желудке, Лиске было интересно – в день приезда Катька приводила её сюда на экскурсию, но лил дождь, и ничего примечательного она не разглядела. Сплошные канавы и кучи грязи на краю луга.

– Это не кучи, а отвалы, – просветила подругу Катька, – землю снимают слоями, мы её перебираем. Тут все уже проверено – золота нет!

– Разве здесь можно искать золото?

– Запросто! Не факт, что найдёшь, но искать не запрещается.

Лиска увидела, что поляна за отвалами расчерчена на ровные квадраты бечёвкой, натянутой на забитые по углам квадратов колышки. Дёрн на ближнем ряду квадратов был уже срезан, но почему-то не целиком. Между квадратами оставались нетронутые полосы травы сантиметров по двадцать шириной.

– Это называется бровка, – сказала Катька. – Пошли, наш квадрат с того края. Ой, Вась, привет.

Вася мрачно кивнул и пошёл рядом с девчонками.

– Вы что, на тот берег плавали?

– Тихо ты! – Катька тревожно оглянулась. – С чего ты взял? Мы просто проспали, да, Лис?

– Ага. Я полчаса назад заглянул – палатка расстёгнута, на одеяле Вакса дрыхнет. Вы, кстати, в курсе, что она косметику обожает?

– В каком смысле обожает? Красится, что ли? – Лиска засмеялась, представив косматую Ваксу с помадой в лапах.

– Она её жуёт, – спокойно пояснил Вася. – Мне показалось, что именно этим она у вас и занималась.

– Блин! – взвизгнула Катька. – Я же бросила свою косметичку сверху! Лиска, это ты палатку не застегнула!

– Но я ж не знала, что так долго...

– Значит, все-таки плавали, – Вася бросил лопаты на бровку, – я сразу подумал.

– И чего теперь? Настучишь, да? Хочешь, чтоб нас из лагеря вышибли? Да? – вскипела Катька. Она отшвырнула подушку и, задрав подбородок, гордо скрестила руки на груди. – Ну и вперёд, плакать не станем! Чего ж не идёшь, передумал?

– Да нет, – Вася пожал плечами, – я вам хлеба прихватил, вы, наверное, есть хотите. Без всего, правда. А через реку одни больше не плавайте, трудно разве меня разбудить?

Катька хмыкнула и откусила сразу половину горбушки.

– А вторая лопата для кого? – спросила с набитым ртом Лиска.

– Обычно мы с Пашкой копаем, но он дежурный сегодня. Кого поставят. Эй, Лёш, ты к нам?

В раскоп прыгнул Ботаник в сопровождении весело крутившей хвостом Ваксы и подал Лиске несколько целлофановых пакетов.

– Это вам для керамики. Фу, Вакса, здесь не роют! Здесь мы копать будем, понимаешь? – Он схватил собачонку за шиворот и оттащил в сторону. – Мышь чует, наверное. Брысь, говорю, а то как привяжу под кустом!

Мэнээс Игорь, окинув орлиным взором раскоп, дунул в судейский свисток, болтавшийся на шее. Вот зачем он, оказывается, нужен.

Сидя на пыльной подушке, Лиска зачерпнула горсть брошенной с лопаты земли и растёрла между ладонями, захватила ещё горсть. Точно так делала Катька и другие девчонки, сидевшие парами на краях квадратов.

Лиска нервничала: кроме комков глины и неопознанных корешков, ей совершенно ничего не попадалось. А в это время другие девчонки то и дело что-то кидали в свои паке-тики. Лиске сделалось жарко. Вдруг она просто не замечает эту самую керамику, бросает её в отвал... И тут пальцы нащупали что-то твёрдое. Лиска с торжеством подняла находку к глазам – это оказался глиняный черепок тусклого, серо-коричневого цвета. Он был шер-шавый и совершенно не походил на блестящие яркие осколки деревенских горшков, какие были в деревне у бабушки. По верхнему краю виднелось два ряда одинаковых неглубоких ямок, как будто натканных мизинцем.

– Нормальная керамика, – заметила Катька. – Суй в пакет. Потом их рассортируют, сосчитают, на планчик зафиксируют.

– Он совсем некрасивый...

– А ты чего хотела? Это тебе не гробницу Тутанхамона копать! Золотых мумий тут не будет!

– Дай посмотреть. – Лёша Ботаник опустил лопату и присел рядом с девчонками на корточки. – Ого, ямочно-гребенчатая керамика. Неолит.

– Чего?

– Дьяковская культура, – пояснил Ботаник, – у нас здесь городище славянское, более позднее, и керамика в основном попадаетеся обожжённая. А твой черепок древнее, примерно начало бронзового века. Здесь тогда жили племена дьяковцев.

– Первобытные люди?

– Ну не совсем. Медные топоры у них уже были, хотя и каменные тоже. Свиней они разводили, охотились.

– Значит, мой черепок редкий? – Лиска приободрилась.

Катька извлекла из комка глины ещё один черепок, не обнаружила на нем ямок, сердито бросила в пакет и заявила:

– Все это ерунда, черепки, ямки... вот если бы найти что-то по-настоящему интерес-ное. Украшения или хоть оружие, на худой конец. Или письма древние, на камне выбитые. Вот это было бы настоящее открытие.

– Письмена – это нереально, – пожал плечами Ботаник и взялся опять за лопату. – Сла-вянская археология не знает подобных находок. А если кому интересно только золото нахо-дить, так надо клады искать. Древние надписи, золото, которое охраняет жуткая мумия... кино прямо!

Катька возмущённо подскочила. Она явно хотела выпалить что-то убийственное, но вовремя спохватилась и ограничилась туманным:

– Кино, значит? Ну ладно же, Лешенька...

Несколько минут прошли в молчании. Надутая Катька пыхтела, нарочно повернувшись к Ботанику задом. Потом ей попалось сразу несколько черепков подряд, явно составлявших прежде целое донце. Вася глянул и сказал, что это очень хорошо, осколки можно будет легко склеить и восстановить часть горшка, Катька сразу оживилась:

– Классно. Сейчас найдём ещё пару бочков и соберём его целенький. Археологические пазлы! Эй, а чего вы такие унылые? Давайте, что ли, песни петь! Археологические. Вась, ты ведь много знаешь, напой! Про лето, а?

– Что такое лето – это проза, – отозвался Вася, охотно опуская лопату. —

Звон лопат над Волгою-рекою.

Лето, проплывают по реке тюленевозы,

Нас зовут отправиться с собою...

– Чего-чего? – засмеялась Лиска. – Какие ещё тюленевозы?

Не прерываясь, Вася ткнул пальцем в сторону Волги. Самой реки за отвалом видно не было, зато над кромкой насыпи медленно двигалась рубка пассажирского теплохода, похо-

жая на едуший своим ходом белый домик. Зрелище было совершенно дурацкое и вызывало в памяти то ли знаменитую Емелину печку, то ли детские стишки Чуковского, в которых по полям бегают столы и умывальники.

– Что такое лето – это пекло,
Тело обгоревшее и ноги,
Это вермишеле–макаронная диета
И палаток рваные чертоги, – продолжал Вася во весь голос.
С соседних квадратов ему уже подпевали.

Усердно копавший Ботаник наконец не выдержал. Задрал голову и срывающимся басом проблеял:

– Лето-о, снова стары–ы–ый раскоп,
Это-о лето-о в поле-е зовёт...
Как в водосточную трубу дунул.

Катьку скрючило пополам, она упала с подушки и молча стала кататься по квадрату. Лиска попыталась заткнуть обратно в рот рвущийся смех, но не смогла. Ботаник обиженно замигал, потом взглянул на Васю, на Катьку и махнул рукой:

– Ладно, смейтесь! Ну не дано мне музыкального слуха, чего уж там. Мамонт на ухо наступил. Зато я все тексты помню.

*«А на фигу ж вы бровку завалили, гады,
Там можно было сделать ровный срез,
Найти портретик князя Кия
И его зубной протез!»
Вот!*

Глава 7. Кто там, зеркальце, скажи!

Иные настойчиво утверждают, что жизнь каждого записана в книге Бытия.

Из сочинений Козьмы Пруtkова

«Катабазис» – нисхождение в мир мёртвых. Стоит напомнить, что нисхождению предшествует обычно сон героя, воспринимаемый мифологическим мышлением как «временная смерть».

Jean Foillard. La conception de Celtes

Лиска потеряла счёт дням. Ей казалось, что она живёт в лагере уже вечность, глядя, как солнце то встаёт над макушками сосен, то окунается в вечерний туман за рекой. Ей понравилось сидеть на обрыве, пока на небе выцветали последние отсветы заката и над водой высыпали колючки звёзд. Потом из-за леса поднималась ржавая луна, похожая на половинку подноса из школьной столовой, и заливала тревожным светом палатки.

– Половецкая какая-то здесь луна, – заметила Лиска, в первый раз увидев над кромкой бора громадную темно-красную горбушку. – Зачем она такого цвета?

Вася стал говорить, что луна просто восходит, но Лиску объяснение не устроило. Ей нравилось думать, что неспроста луна над раскопками древнего городища так похожа на изъеденный ржавчиной щит и лагерь экспедиции в её свете выглядит кочевым станом или, на худой конец, декорацией к опере «Князь Игорь».

Скоро выяснилось, что в своих фантазиях Лиска не одинока. Паша Малявин и увлекающийся всеми подряд идеями Пит Курочкин выпросили у Игоря топор и три вечера подряд что-то тюкали позади кухни. На четвёртый день стук прекратился, а Паша с Петей копали посреди поляны ямы. Вокруг немедленно собрались любопытные.

– Чего это будет, Паш? – не вытерпела Катька. – Столбы для фонарей? А электричество откуда возьмёте?

– Ручным способом добудут, – ввернула Наталья, и Катька сердито нахмурилась.

– Ваше чувство юмора меня умиляет, – процедил Паша, опуская лопату. – Пит, давай!

Они подняли первый столб стоямя, и на девчонок в упор глянули тусклые глаза деревянного идола. Он был вырублен грубо, но выразительно – низкие брови, нос, как стёсанный треугольник, длинные «запорожские» усы. По верху столба и ближе к подножию красовалось несколько полос странного орнамента из косых крестов.

– Сварог, – догадался всезнающий Ботаник. – Сварог – божество небесного огня. Видите, кресты – это солярные символы.

Паша солидно кивнул, и мастера принялись поднимать второго идола.

– Можно подумать, у этого товарища зубы болят, – прокомментировала Катька, – ишь как злобно смотрит.

– Не злобно, а бдительно! – возмутился Курочкин. – Вы ничего не понимаете! Это же Перун, бог войны и грозы! Он будет охранять наш лагерь!

– Ага, понятно. В компании с Ваксой, – съязвила Катька.

– Будто никого повеселей вырезать нельзя было? Тоже мне, украсили лагерь! Даже собака на этих типов рычит! – продолжала ворчать она по пути на раскоп. – Нет, в самом деле, у меня конкретное ощущение, что они мне в спину смотрят. Пристально!

– А ты обрати внимание, как у них глаза сделаны, – вмешался в разговор топавший позади Вася, – у них в середине зрачка маленькие дырочки проковыряны, и от этого взгляд и кажется живым. Известный приём скульпторов, между прочим!

Катька сердито обернулась:

– Все-то ты знаешь! А я вот считаю, что там, где люди живут, интерьер должен быть повеселей. Ты у меня дома нэцке видел? Тоже, между прочим, бог, только китайский, зато толстый и симпатичный. Вот что надо дома держать! Словом, мне эта парочка не нравится, у меня предчувствие!

Но, несмотря на Катькины предчувствия, жизнь в экспедиции текла безмятежно и мирно, даже обещанные метеопрогнозом на конец недели ливни пролились в стороне, на другом берегу Волги. Серые тучи, как ни клубились, не смогли переползти реку.

Каждое утро, позавтракав и как следует наплававшись, все шли на раскоп. По свистку Игоря начинался очередной трудовой день, с десяти до четырёх, с перерывами на купание и обед. Лиске самой смешно было вспоминать, как она волновалась из-за первой находки. Керамики, как здесь звали глиняные черепки, было даже чересчур много. Можно подумать, обитатели городища целыми днями только и делали, что били посуду. Сперва Лиске было интересно сортировать черепки, потом она соскучилась и захотела найти что-нибудь новенькое, кольцо или хотя бы бусину. Наташка со Светкой, перебивавшие на соседнем квадрате, подобрали целых две. Блекло-голубые, похожие на пузатые бочоночки, бусины выглядели до ужаса неприглядно, но профессор пришёл в полный восторг. Наташка и Светка сделались героинями дня и до вечера ходили с задранными носами.

– Это свидетельство древних торговых связей, – объяснял профессор, держа на ладони только что извлечённую из комка грязи бусину. – Они приплыли из далёкой Азии. По Волге и Каспию проходил торговый путь из варяг в арабы, такой же древний, как «из варяг в греки» по Днепру и Чёрному морю.

– Некрасивые совсем, – пробурчала терзаемая завистью Катька, – цвета никакого.

– Это иранская бирюза. По легенде, бирюза рождается из слез людей, потерявших возлюбленных. На самом деле бирюза – минерал органического происхождения и стареет от времени, выцветает и разрушается. Но некогда эти бусины были ярко-синего цвета и наверняка стоили очень дорого.

Профессор в последний раз полюбовался находкой и стряхнул бусины в бумажный пакетик, поданный Маргаритой.

– Их поместят в музей? – с надеждой спросила Наташка, пытаясь напоследок заглянуть в пакет.

Марго с треском заколола его скрепкой.

– Все находки будут зашифрованы и пополнят коллекции! А вы расходитесь, довольно толпиться, до перерыва ещё сорок минут! Игорь, где ты, в конце концов! Призови немедленно детей к порядку!

– У, вредоносца! «Призови детей к порядку, призови к порядку...» – ворчала, умищаясь на подушке, Катька. – Нет, Наташка, конечно, жуткая задавака, но и Марго окончательно обнаглела. Где она тут детей видела? Интересно, чему это ты улыбаешься? Не вижу в ситуации ничего смешного, – накинулась она на Лиску.

– Да я вдруг вспомнила, она же на нашу воспитательницу из продлёнки похожа. Помнишь, Лариса Петровна, Лариска? Она нас на прогулке все строила?

– Не помню. Хотя... точно, что-то есть! Она ещё так лицо делала... – Катька приподняла брови и свела губы в нитку. – Она?

– Ага. И волосы, как у Марго, сколоты в эту, как её, в гульку, вот!

Они посмотрели друг на дружку и расхохотались.

– Арбайте, люди, солнце ещё высоко! – крикнул Вася, бросая подругам под ноги лопату земли. – Не прозевайте, вдруг ещё бусины в наш квадрат закатились!

До обеда они с удвоенным жаром перебирали отвалы, но кроме десятка осколков чёрного, тускло-сажевого оттенка ничего не обнаружили. Впрочем, это оказалась чернолощевая керамика позднего периода, которой до сих пор на городище не встречалось, профессор был явно доволен, и Лиска утешилась. Но Катьке этого было мало, её буйная натура жаждала чего-нибудь поинтереснее, такого, чтобы дух захватывало. Но случай никак не представлялся.

– Значит, здесь арабы бывали, – задумчиво сказала Лиска однажды, пересыпая в ладонях нагретый волжский песок.

Наплававшись после обеда до посинения, подружки валялись на пляже, подставляя солнышку поочерёдно спины и животы.

– Угу. Раз профессор сказал... – Катька зевнула. – Спать хочется, сил нету. Лис, глянь на часы – сколько ещё до раскопа? Может, я подремать успею?

– Вряд ли. Полчаса осталось, так что не стоит, голова потом разболится. Ты вот лучше скажи, арабы – они как выглядели? Как думаешь?

– Ну ты даёшь, подруга! Телевизор, что ли, ни разу не смотрела? Худые они, чёрные. В смысле брUNETы, носатые такие. Лица узкие.

– Да нет, – Лиска досадливо тряхнула волосами, – я про тех арабов, древних. Знаю, что брюнеты, а как они одевались?

– Ну... в эти... бурнусы какие-нибудь. Или халаты. Или погоди, что же там ещё было...

– Катька напряжённо свела брови. – Ага, вспомнила! Чувяки!

– Чего-чего? Чувяки?

– Чувяки, – повторила Катька менее уверенно. – Зря хихикаешь, ничего смешного. Обувь так называлась.

– А на что эти чувяки похожи? На сапоги?

– Да кто их знает? Наверное. А тебе зачем, собственно? Какая разница, чего они там носили, хоть лапти, нам-то что? Пусть об этом у МВ с Марго головы болят.

– Дело в том, что я их, кажется, видела. Сегодня во сне.

– Чего видела, чувяки?

– Да арабов же, балда! – Лиска с досадой хлопнула по насыпавшейся горке песка, резко села, и ей на миг померещилось, что сон продолжается. Так же пылает над Волгой летнее небо, будто громадная опрокинутая чаша из бирюзы. Дальний берег с кудрявой полосой леса пуст, и лишь где-то справа, за мыском, слышны громкие голоса. Там кипит шумный торг, там заморские гости причалили свои ладьи! Вон даже верх мачты торчит! Лиска зажмурилась.

– Подруга, эй! Что с тобой?

Катькин голос вернул к реальности. Лиска открыла глаза и перевела дух — из-за поворота медленно выползала неповоротливая баржа класса «река — море», «Волго—Дон» или «Волго—Балт», издали не различишь. На носу у неё и впрямь торчит нечто похожее на короткую мачту, так что все объяснимо. А ведь и впрямь показалось было...

— Понимаешь, Кать, со мной какая-то ерунда происходит. Вроде я на историю никогда не западала, а тут вдруг до того прониклась! Веришь, нет, каждую ночь чего-нибудь с историческим уклоном вижу. Причём я ведь и сама не врубаюсь, что к чему. Вот МВ сказал про арабов, и меня как стукнуло — точно, их видела! Высокие такие, смуглые, одеты богато.

— А чего они делали?

— На кораблях приплыли, такие вроде ладьи, и паруса полосатые. Высадились на берег и торговать начали.

— С кем?

– Похоже, с местными. Ну, то есть с теми, чьё поселение мы сейчас роём. А я – как будто одна из них, местных, и мне так все интересно! Один передо мной платок разворачивает, нет, не платок – шаль, наверное, типа газовой, и золотом вышита. Красиво... знаешь, я бы и сейчас такую купила. Бусы, кстати, тоже были, и вид у них – не сравнить с теми, что сегодня нашли.

Лиска замолчала и покосилась на подругу – Катька сидела тихо, как мышь.

«Может, зря я ей рассказала? Сейчас как ляпнет, что у меня глюки на фоне переходного возраста... А вдруг и правда – глюки? Что тогда делать? Если Катька начнёт смеяться – я её придушу!» – решила про себя Лиска.

– Ну, подруга, ты даёшь! Это же в тебе генетическая память проснулась! Я про такие штуки читала: человеку вдруг начинают сниться эпизоды из жизни его предков. Обычно это бывает из-за потрясений. Вспомни, тебя в последнее время что-нибудь потрясло?

Лиска только потрясла головой. Удивительно, но в Катькином голосе звучала откровенная зависть – похоже, подруга сама не отказалась бы от таких галлюцинаций.

Катька деловито встала и стряхнула песок с живота и коленок.

– Идём. Я знаю, что мы сделаем. Ты точно помнишь, как эти твои... персонажи во сне выглядели?

– Более-менее.

– Мы потрясём Ботаника, он эрудит и наверняка знает, как люди в древности одевались. Конечно, про арабов лучше бы у профессора, он от них фанатеет, ты сама видела. Но про сон ему лучше не рассказывать. А Ботанику – можно, он парень свой в доску и не болтливый. Если окажется, что описание соответствует, значит, все точно – тебе снится то, что тут когда-то было.

– Тысячу лет назад? Ведь поселению – тысяча лет!

– Для генетической памяти это не срок, а тьфу, мелочи, – с великолепным презрением отрезала Катька.

– В принципе, описание довольно точное, – похвалил Лиску Лёша Ботаник. – Ты, наверное, смотрела какие-нибудь источники? Откуда ты знаешь, например, про шапки? Обычно все уверены, что арабы носили исключительно тюрбаны при любой погоде, хотя это и глупо.

– Ну да, я именно так про арабов и думала. А тут один в шапке, у другого голова вообще платком повязана, как у какого-нибудь пирата.

– Платок? Какого цвета? – вскинулся Ботаник.

– Ясен пень, красного! В горошек! – влезла Катька, она давно уже ёрзала на месте от нетерпения вставить в учёную беседу хоть слово.

– Вроде зеленого, – неуверенно сказала Лиска, и подскочивший Ботаник успокоился и сел обратно на отвал. – Нет, Кать, не бандана, а большой платок, сбоку завязан. А у другого похожий платок вместо пояса.

Ботаник кивнул:

– Все верно, матерчатые пояса были в ходу на Востоке. В них люди и деньги прятали, очень удобно. У купцов пояса, наверное, шёлковые или парчовые.

– Насчёт ткани я не знаю, – призналась Лиска, – какая-то плотная. А на третьем вообще металлический пояс был, из плоских таких пряжек, блестящий. Наверное, золотой.

Лёша Ботаник задумался.

– Золотой пояс? Странно. Для арабских купцов того периода это не характерно, ни один источник о таком не упоминает. Тем более, люди в опасном путешествии, кругом свирепые

варварские народы, им только золото покажи – останешься вообще без головы. Наверное, ты что-нибудь путаешь.

– Не путаю! Были пряжки! Я даже нарисовать могу, вот погоди!

Лиска заровняла песок и прутиком изобразила перевёрнутую трапецию с четырехлучевой звездой в середине.

– Кажется, так.

– Постой-постой! – Лешка упал на четвереньки и просто впился в рисунок. – А ты уверена, что это все? Там поверх звезды ещё ничего не было?

– Да нет, ничего глобального. Хотя погоди... там, где застёжка, на пряжке ещё голова была, орлиная.

– Грифонья!

– Чего?

– Это было изображение не орла, а грифона! Я вспомнил, в монографии профессора Алана Вюртнера о результатах раскопок Миссисипского университета упоминается подобная пряжка! Правда, не золотая, а бронзовая! Её обнаружили на городище XI века Ак—Рабат в Арахосии, на древнем караванном пути!

Ботаник перевёл дух и с уважением посмотрел на Лиску:

– Ты права, на арабе мог быть бронзовый пояс. А ты, оказывается, в истории ещё как рубишь. Чего же раньше притворялась?

– Да я не притворялась, Лёш. Честно.

– Тогда откуда же такие детали знаешь?

Лиска вздохнула и с тоской глянула на Катьку. Объяснять про свой сон Ботанику ей совершенно не хотелось. И вообще ни с кем говорить не хотелось. В отличие от Катьки, которую просто распирало от восторга, Лиска никакой радости не испытывала. До сих пор можно было себя уверить, что сны ничего общего с реальностью не имеют, мало ли что может привидеться, но злополучная пряжка резко меняла дело.

– Откуда ты все так точно знаешь? – повторил Ботаник.

– Понимаешь, Лёш, – Катька быстро оглянулась и таинственно понизила голос, – она этих купцов правда видела! В ней проснулась генетическая память! Круто, да?

Она в восторге лягнула обрыв, её лицо сияло.

– Кать, не пыли! Ты мне землю в тапочки натрясаешь, – машинально попросил Ботаник и быстро добавил: – Так я не понял, где Лиса это видела?

– Во сне, Лёша, – вздохнула Лиска. – Наверное, Катька права насчёт памяти предков. Непонятно только, почему она только у меня пробудилась. И с какого перепугу?

Ботаник молча переводил взгляд с Лиски на Катьку, с Катьки на Лиску, и обиженное выражение понемногу уползло с его лица.

– Правда не прикалываетесь? Нет? Эх, ну и везучая ты, Лиска! Если бы мне хоть один такой сон увидеть, я бы больше и не просил!

– Ты серьёзно?

– А то. Увидеть все как было, собственными глазами – никому из историков такое и не снилось! Ой!

– Вот именно – ой, – ехидно заметила Катька, но Ботаник, который обычно моментально тушевался, не обратил на её реплику никакого внимания.

– Лиса, ты можешь увидеть ещё что-нибудь необычное! Это ужасно важно! У тебя хорошая зрительная память?

– Ну, как видишь... а что?

– Нет, это не годится, это кустарно. Тебе надо держать рядом с постелью бумагу и ручку. Да, и фонарик. Чтоб сразу все записывать, в подробностях. И зарисовывать, вот как эту пряжку!

– Но...

– Это обязательно нужно! – Ботаник с жаром взмахнул руками, едва не заехав Лиске по носу. – Если ты увидишь ещё что-то, что можно сопоставить с известными находками, это будет подтверждением, понимаешь? И вот тогда...

– Да зачем мне чего-то подтверждать, я же знаю, что не выдумываю! Мне и не выдумывать такого, эрудиции не хватит!

– Но в науке так полагается. Нельзя ничего принимать на веру. Прежде чем выдвинешь теорию, её следует надёжно обосновать.

– Можно подумать, я вообще собираюсь что-то там такое выдвигать, – пробурчала Лиска. Ей совершенно не нравился фанатичный огонёк в глазах Ботаника. Теперь начнёт приставать каждое утро – а что ты, душенька, сегодня во сне увидела? Ничего хорошего из этого не получится, Лиска была уверена. И без того её сны в последние ночи стали чересчур яркими и настоящими, а если ещё специально запоминать их... Нет уж!

– Не хочу! И никаких теорий я выдвигать не собираюсь. Короче, спасибо за консультацию, нам пора. Катька, пошли! – Лиска вскочила и дёрнула за собой подругу.

Катька неохотно привстала. Видно было, что ей затея Ботаника пришлась по вкусу – ну ещё бы, им с Лёшей кажется, что увидеть во сне прошлое – все равно что посмотреть исторический фильм. Прикольно и безопасно, в случае чего всегда проснуться успеешь. Но как раз в этом-то Лиска и не была уверена. Последний сон оказался до ужаса настоящим, она не просто видела себя среди странно одетых людей на берегу, её вполне реально толкали, она чувствовала пёструю смесь незнакомых запахов – разве можно «увидеть» запах, пусть даже во сне? А потом, когда тот купец в зеленой «бандане» развернул в воздухе длинный кусок золотисто-розовой ткани, ловким движением протатил его сквозь сдёрнутое с пальца колечко и набросил ей на плечи, так что Лиска ощутила щекотное прикосновение прохладного шелка к шее, – вот в этот момент сделалось страшно. Она словно провалилась сквозь толщу немыслимых лет, она стояла на песчаном дне колодца, из которого не вынырнуть, а купец, напротив, улыбался, весело блестя зубами, говорил. Кажется, он предлагал ей чудесную ткань за так, в подарок. Лиска почувствовала, как щеки жарко вспыхнули, она гневно замотала головой и хотела сдёрнуть покрывало. Купец удержал её за руку, пальцы были твёрдые и тёплые. Покопавшись в мешочке у пояса, он вытащил круглую металлическую дощечку величиной с ладонь на длинной витой ручке и сунул под нос Лиске. Она не сразу сообразила, что это. Ну конечно, зеркало! Только не стеклянное, а металлическое, тусклое, словно подёрнутое туманом. Лиска заглянула в него и увидела – себя. С плетёным ремешком на лбу и розовым покрывалом вокруг плеч.

Катьке она про это никогда не расскажет, и Ботанику тоже. Разве им объяснишь?

– Ну пожалуйста, Лиса, тебе же самой будет гораздо интересней, – бубнил Ботаник. – Существует такая методика запоминания снов, я читал. Ты постепенно учишься управлять своими снами, при желании, например, можешь их повторять.

– Вот как? – Лиска быстро взглянула на Ботаника. Судя по всему, не врёт. – Ладно, уговорил, буду записывать. А сейчас пошли на раскоп, там уже свистели.

Она, не оглядываясь, быстро зашагала по тропе. Счастливый Ботаник и критически настроенная Катька топали сзади. В отличие от энтузиаста науки Катька сразу поняла, что подружка хочет не повторно смотреть сны, а насовсем от них избавиться, и ей это совершенно не нравилось. В кои веки подвернулось что-то по-настоящему загадочное, да такой шанс раз в жизни бывает. Эх, если бы сны видела сама Катька!

Но додумать она не успела, на опоздавшую тройцу коршуном упала Маргарита:

– Я не понимаю, зачем было ехать в экспедицию, чтобы потом отлынивать от работы? Сейчас не проблема приобрести путёвку в пансионат любого уровня, я полагаю, ваши родители вполне могут себе это позволить. Там можно лениться сколько угодно, но почему это

нужно делать здесь? На ваше пребывание здесь кафедра тратит немалые деньги, и вместо каждого из вас сюда мог приехать другой человек, значительно более полезный, – выговаривала Марго ровным, «учительским» голосом. Несчастный Ботаник дёргался, словно его пытали. Катьку явно подмывало выпалить дерзость, Лиска незаметно сжала ей пальцы. Если Марго всерьёз разозлится, она вполне может наябедничать профессору и убедить отчислить Катьку из экспедиции. Нарушители с тоской косились в сторону стола, где профессор с Игорем возились над планами раскопа. Ну хоть бы кто–нибудь их спас!

Словно почувствовав немой вопль, Игорь поднял голову, усмехнулся и дунул в свисток.

– Перерыв!

Марго гневно махнула рукой и пошла мерить бровки.

Катька высунула ей вслед язык:

– У–у–у! Чтоб тебе ни одной находки не попало!

Глава 8. Тварь косматая, незванная

Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые, иначе такое бросание будет пустою забавою.

Из сочинений Козьмы Пруткова

Коза (capra hireus aegagrus). Предком домашней козы был вид, распространённый в горах Юго—Западной Азии. Кости одомашненных особей встречаются уже в Иерихоне, Джармо и Чатал—Хююке.

W. Bray, D. Tramp. A dictionary of archeology

– И кто только выдумал, что лучший отдых – это перемена деятельности? Как он это себе представлял, интересно? Человек дрова колол, ухайдакался, пошёл кирпичи потаскал – и опять как огурчик?! – возмущалась Катька, потрясая зубной щёткой. – Вон, уже щётки не выдерживают, совсем облысели!

– Ладно тебе. Мы же кирпичи не таскаем, – примирительно сказала Лиска. Ей, в отличие от Катьки, новое занятие пока нравилось. Это было куда интереснее, чем перебирать землю, можно представить себя настоящим археологом, расчищающим развалины Вавилона. Потёрла щёткой, дунула, потёрла, дунула... Вот так и свершаются великие открытия!

Накануне, вскоре после стычки с Марго, на двух квадратах открылась каменная вымостка. По словам профессора, на таких фундаментах из речных голышей древние обитатели городища ставили свои дома. После этого Марго перевела Васю с Ботаником на квадрат к Лёше Толстому – «для ускорения темпов работы», как она выразилась, а Катьке с Лиской выдала скальпель и две зубные щётки.

– Расчищать кладку надо аккуратно, молодые люди с этой работой плохо справляются. Пальцы у них грубые и терпения не хватает, – объясняла она, становясь перед кладкой на коленки и осторожным движением сковыривая кусок глины. Потёрла камень щёткой и сдунула пыль. – Вот так, поняли? Главное, не сдвинуть камни. Потом я подойду и зарисую.

– Мышиная работа, – ворчала Катька, орудуя щёткой. – Везёт молодым людям! Втроём один квадрат ковыряют, а мы тут как пчёлки, только что не жужжим. А если этой кладки метров десять, мы так до конца раскопа на ней и просидим? И все находки другим достанутся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.